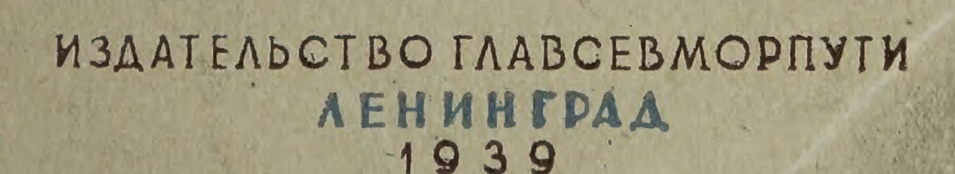
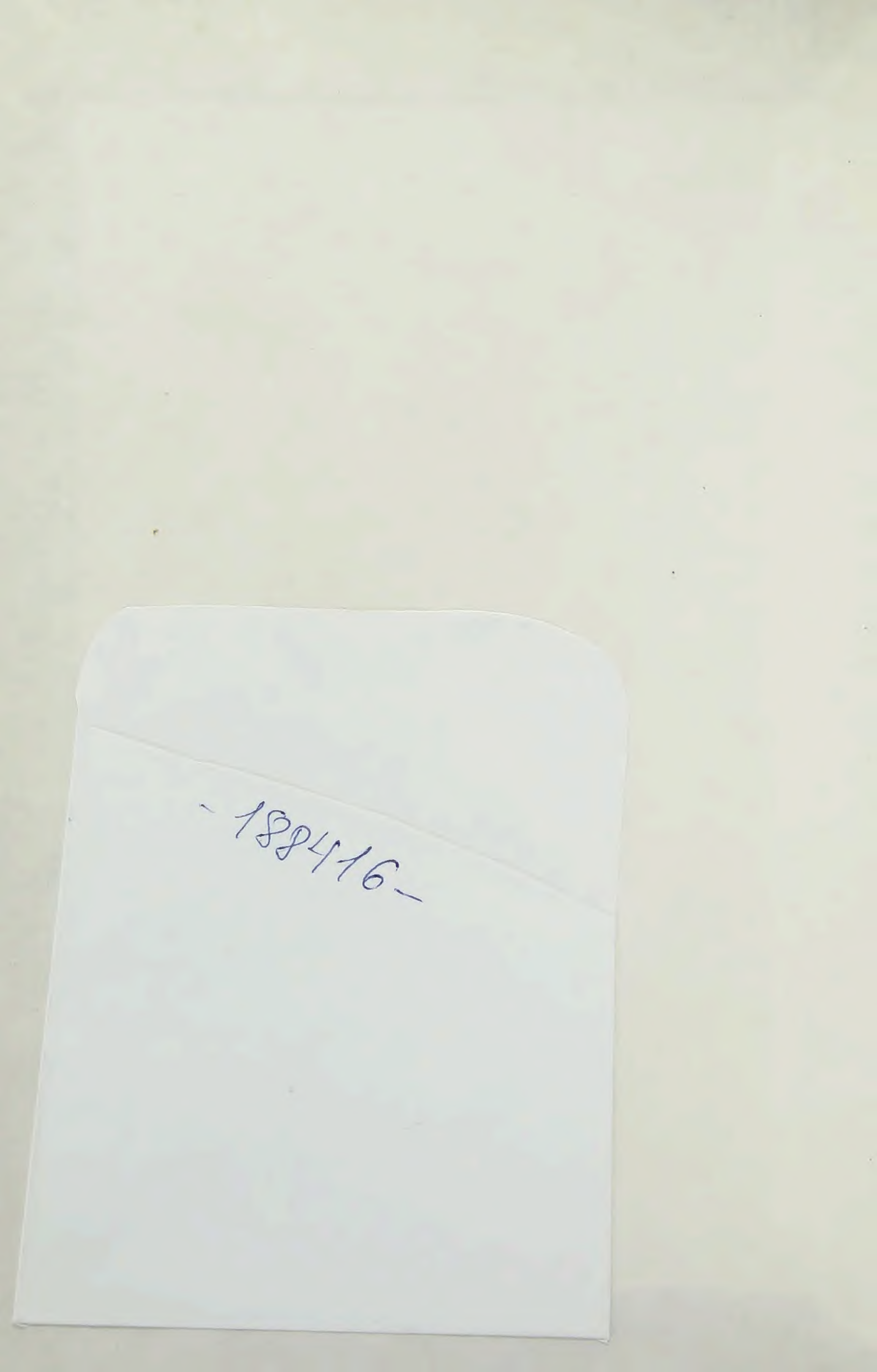
А. Н. БАЛАНДИН

ЯЗЫК МАНЬСИЙСКОЙ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД
1939



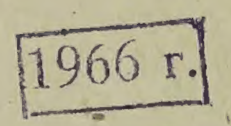

-188416-

ГЛАВСЕВМОРПУТЬ при СНК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА
им. П. Г. СМИДОВИЧА

А. Н. БАЛАНДИН

ЯЗЫК МАНЬСИЙСКОЙ СКАЗКИ

Под редакцией
А. И. ЕМЕЛЬЯНОВА



ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД • 1939

СОКРАЩЕНИЯ

FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki.

MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.

JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.

NyK — Nyelvtudományi Közlemények, Budapest.

Vog. Nép. Gy — Vogul Népköltési Gyüjtemény, Budapest.

Ahl. 1 — Aug. A h l q v i s t, Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken, Helsingfors, 1880.

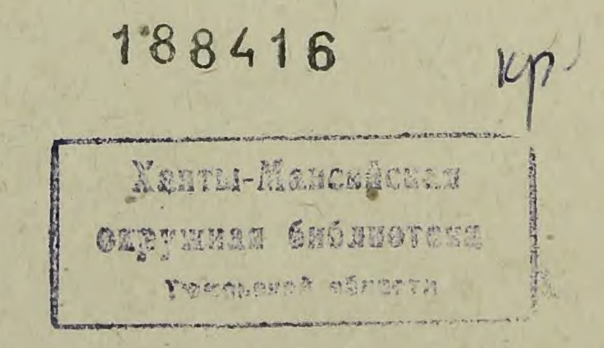
Paas. — H. P a a s o n e n, Ostjakisches Wörterbuch (nach den Dialekten an der Konda und am Jugan), Helsingfors, 1926.

Beke — Ö. B e k e, Északi-osztják szójegyzék, Keleti Szemle VIII—IX, 1907—1908.

Patk. 1 — S. P a t k a n o v, Irtisi-osztják szójegyzék, Budapest, 1902.

Patk. 2 — S. P a t k a n o v. Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, St.-Pet., I — II.

Сокращения, относящиеся к отдельным страницам или частям глав, даются в подстрочных примечаниях.



I. ВВЕДЕНИЕ

Маньси (вогулы) вместе с ханты (остяками) и мадьярами (венграми) образуют угорскую группу финно-угорских народностей. Живут они в северо-западной Сибири между Уральскими горами и р. Обью.

В соответствии с территориальным размещением вся масса маньси распадается на две больших группы: северную и южную. Северная группа расселена по верховьям Лозьвы и Пелыма, по Сосьве с ее притоками и по Оби. Южная — по Тавде, Конде, по нижнему и среднему течению Пелыма и Лозьвы.

Их ближайшие соседи: на севере — ненцы, на востоке — ханты, на западе — коми-зыряне, на юге — татары. В южных районах, а частью в северных с маньси также соседят переселившиеся к ним русские крестьяне.

Общая численность маньси по переписи 1926 г. определяется в 5754 человека. Наиболее компактными являются группы маньси, живущие по р. Сосьве с ее притоками и по р. Конде. Маньси же, расселенные по рр. Оби, Лозьве, Пелыму и Тавде, немногочисленны.

По данным А. Каннисто, который пробыл среди маньси с 1901 по 1905 г. и произвел перепись всего маньсийского населения, численность отдельных групп маньси представлена в следующих цифрах: [1]

река Сосьва	1832 чел.
„ Конда	2061 „
„ Обь	366 „
„ Лозьва	277 „
„ Пелым	147 „
„ Вагильск	91 „
„ Тавда	530 „
Общая численность	5304 чел.

[1] A. Kannisto, Angaben über die Zahl der Wogulen, FUF, VI.

Хозяйственная жизнь маньси находится в тесной зависимости от природных условий; она же обусловливает и соответствующий образ жизни. Главные естественные богатства в местах, заселенных маньси,— реки и лес. Отсюда и ведущими отраслями их хозяйств являются рыболовство и охота. Подсобным видом деятельности для северных маньси служит оленеводство, для южных — земледелие и скотоводство. Южные маньси живут оседло. Северные в большинстве своем ведут полукочевой образ жизни. Незначительная часть маньси со стадами оленей кочует по ягельным местам и живет в кочевых чумах.

До XIV века маньси и ханты в русской хронике были известны под именем „Югра", в арабской — под именем „Юра". Это название распространялось и на страну, обитаемую ими. Термин „вогулы" возник гораздо позднее. В русских документах он впервые встречается лишь в конце XIV столетия.[1] Во времена „Югры" территория, занимаемая маньси, распространялась на западные склоны Урала, к истоку р. Печоры. Она находилась недалеко от новгородских владений, несколько восточнее от области Коми-зырян, на севере и востоке граничила с областями, населенными ненцами (самоедами).[2] Еще не так давно на маньсийском языке говорили западнее от Урала. Около 80 лет тому назад маньси жили у истока р. Печоры: в б. Пермской губ. имеется много обруселых (или отатарившихся) маньсийских деревень.[3]

В XI и XII веках новгородцы в погоне за дорогими мехами совершают на „Югру" ряд походов. В XIII веке „Югра" считается присоединенной к новгородским владениям. Однако господство Великого Новгорода над „Югрой" было непрочным. Зависимость „югорских князей" от господина Великого Новгорода ограничивалась очень нерегулярной уплатой дани соболиными мехами и другими местными произведениями.[4]

В XIII—XIV веках на территорию р. Тобола и дальше на Иртыш проникают татары. Формируется так называемое Сибирское царство; создается местная династия со столицей Чинги-Тура (Тюмень), которая позднее перемещается на

---

[1] A. Kannisto, Zur Etymologie des Völkernamens „ostjak", 1928, 417, Mém. SFOu.

[2] K. Donner, Über das alter der ostjakischen und wogulischen Renntierzucht, FUF, XVIII, 120.

[3] Manninen, Die Finnisch-Ugrischen Völker, Leipzig, 1932, 322.

[4] С. Б. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв., М., 1928, 65.

Иртыш, во вновь созданный город Искер. Татары по своей социальной организации были гораздо выше аборигенов: их экономика характеризовалась рыболовством, охотой и земледелием, а социальный строй — сильными признаками феодализма. Они довольно быстро подчинили ханты и маньси. Последние должны были платить татарам ясак и служить в татарских ополчениях.

Одновременно московские власти также стараются подчинить себе „Югру“: в течение XV века Москва предпринимает несколько походов на Урал. Известны походы в 1465, 1483, 1499 гг., но все эти походы не привели к фактическому завоеванию „Югры“ и имели лишь номинальное значение. [1] И только в конце XVI столетия над северными маньси и ханты окончательно утверждается господство русского самодержавия. Сначала строятся казачьи укрепления в Юильском, Сартыньинском, Казымском, Березовском, Обдорском, Кодском городках, а вслед за ними, вскоре же, воздвигается г. Березов [2] — опора экономического и политического господства над побежденными аборигенами. С этого времени к маньси и ханты замечается сильный наплыв русских за легкой наживой, которые, как представители господствующей национальности, в роли купцов, спекулянтов, чиновников и ямщиков становятся их новыми соседями.

В начале XVIII столетия русское правительство предпринимает решительные шаги по христианизации туземцев северо-западной Сибири. Миссионеры во главе с тобольским митрополитом Филофеем, следуя указам Петра I, в которых повелевалось всех „остяков и вогуличей от мала до велика крестить“... [3] „а если кто остяки учинят противность сему нашему указу и тем будет казнь смертная“, [4] под охраной казаков и солдат в 1714 г. обратили в христианство наиболее непокорных ляпинских маньси. Но это насильственно привнесенное христианство было воспринято чисто механически: подавляющая часть маньси осталась верна традициям старых религиозных верований и шаманизму. [5] В свою

[1] См. там же, стр. 67.

[2] Иринарх Обдорский Хронологический обзор достопримечательных событий в Березовском крае Тобольской губернии. Журн. „Православный Благовестник“, 1911, № 22, кн. 2.

[3] Из Указа Петра I тобольскому митрополиту Филофею от 1706 г.

[4] Из указа Петра I тобольскому митрополиту Филофею от 1710 г. См. Иринарх Обдорский, Хронологический обзор, 1913, № 2.

[5] Характерно замечание апологета миссионерства В. Павловского о „просветительной деятельности митрополита Филофея Лещинского

очередь маньси и ханты не оставались пассивными, — они оказывали сильное сопротивление русской колонизации. После окончательного порабощения то в одном, то в другом месте вспыхивали заговоры и восстания.

Колонизаторская политика царизма и торгового капитала наложила сильный отпечаток на социально-экономическое развитие маньси. Хищническая эксплоатация маньси со стороны торгового капитала шла по пути использования старых патриархальных форм производства; она задерживала их экономическое развитие и толкала его на путь регресса. Одним из остатков унаследованной в наше время дореволюционной хозяйственной жизни маньси являются чрезвычайно примитивные орудия промысла: в рыболовстве — запоры, гымги, ставные сетки, малосильные неводы; в охоте — примитивно устроенные ловушки, самострелы, петли, давящие приборы. Характерно, что лишь в последнее время ружье окончательно вытеснило лук. А во второй половине XIX века лук можно было встретить в каждой маньсийской юрте.[1]

В социальной жизни маньси хотя и сохранились пережитки родового строя, как то: экзогамия, взаимопомощь между сородичами, родовые кладбища, религиозные родовые обряды, гостеприимство, но тот период общественного развития, когда род у маньси был основой социально-экономического строя, давно остался позади.

Разложение родового строя у маньси вероятно началось еще до прихода русских. Некоторым подтверждением этого может служить старый героический эпос маньси — героические песни и героические сказки, в которых изображаемые богатыри (князьки), возглавлявшие социальные организации маньси в прошлом, имеют много сходных черт с князьками иртышских ханты, описанных С. Паткановым в работе „Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям", СПб., 1891. Проф. Бахрушин в своем историческом исследовании об „Остяцко-вогульских кня-

---

среди туземцев Тобольского Севера". Павловский пишет: „Св. Филофей много идолов и капищ вогульских сжег, но ни это сожжение, ни крещение вогуличей не уничтожили идолопоклонства. После крещения они продолжали поклоняться идолам. Но уже числясь официально христианами и вследствие этого потеряв возможность открыто поклоняться идолам, скрыли их в чаще и глуши обширных лесов и в секретных домашних сундучках и втайне идолопоклонничали".

В. Павловский, Вогулы. Казань, 1907, стр. 186.

[1] Aug. Ahlqvist, Unter Wogulen und Ostjaken. Akta Soc. Fen., XIV, 164.

жествах в XVI—XVII веках“ указывает на то же самое. Он считает, что распад родового строя у маньси и ханты начался, повидимому, задолго до русского завоевания и что власть князьков, возглавлявших небольшие племенные княжества, первоначально основанная на родовом старшинстве, в XVI—XVII веках утратила свой родовой характер.

При довольно высокой для того времени производительности труда на базе охоты, рыболовства и оленеводства создавалась возможность для производства прибавочного продукта. Некоторая часть его отчуждалась для обмена с соседними племенами. Частые военные походы маньсийских князьков способствовали сосредоточиванию богатств в руках предводительской верхушки. Рождавшаяся частная собственность, имущественное неравенство и связанная с ними эксплоатация труда расшатывали устои родовой жизни. Господство русского самодержавия и проникновение к маньси торгового капитала углубили этот процесс и окончательно оформили выделение из их среды кулацкой верхушки.

Под давлением внешних поработителей и своих собственных (кулаков и шаманов) трудовые массы маньси были обречены на вымирание.

Великая Октябрьская социалистическая революция и неуклонное проведение партией и советской властью ленинско-сталинской национальной политики вписали новую страницу в историю развития маньси. После революции в их экономике и культуре происходят огромные сдвиги. Успешно развертывается техническая реконструкция хозяйства на базе внедрения более усовершенствованных орудий промысла (мощные неводы, усовершенствованные ружья, капканы и проч.). В районе жительства северных маньси (Саранпаул) организован оленеводческий совхоз. Интегральная кооперация и широкая сеть государственных заготовительных пунктов вырвали трудовые хозяйства из-под зависимости кулаков и спекулянтов. Социалистический сектор хозяйства в форме простейших производственных объединений и артелей играет в экономике маньсийского народа ведущую роль.

В 1931 г. проведено национальное районирование. Создан Остяко-Вогульский национальный округ. На Сосьве и Ляпине организовано шесть национальных советов. На Оби и Сосьве функционирует девять национальных школ. Растут кадры маньсийской интеллигенции, среди которой имеются уже начинающие поэты и писатели. На северной Сосьве построен новый культурный городок — Сосьвинская культ-

база. В Сартынье и на культбазе работают больницы, в Саранпауле и Няксимволе — медицинские пункты. Летом „красная лодка“, зимой „красный чум“ ведут среди населения повседневную политико-просветительную работу. Растет и крепнет маньсийский комсомол: на Сосьве и Ляпине работает 5 комсомольских ячеек.

Изменившиеся после революции социально-экономические условия привели к повышению прироста населения. По переписи 1926 г. прирост населения среди маньси выражается в 2,7%.

Языком и фольклором маньси до начала XX века занимались главным образом венгерские и финские ученые: А. Регули, А. Алквист, Б. Мункачи, А. Каннисто.

На основании лингвистических данных, добытых в результате исследования маньсийского языка, было установлено, что последний входит в систему финно-угорских языков, распадающихся на две группы: финскую и угорскую. Финская группа состоит из языков коми-зырянского и коми-пермяцкого, удмуртского (вотяцкого), марийского (черемисского), мокша-эрзянского (мордовского), балтийско-финских и саамского (лопарского); угорская группа — из мадьярского (венгерского), маньсийского (вогульского) и хантыйского (остяцкого). Внутри угорской группы маньсийский язык стоит в близком родстве с хантыйским: они называются одним общим именем об-угорские языки и рассматриваются как родственный комплекс мадьярскому языку, а вместе с ним — всем остальным языкам финской группы.[1]

---

[1] По теории современного финно-угорского языкознания на западе, являющегося отпрыском индоевропейской школы, маньсийский язык представляется результатом распадения единого финно-угорского праязыка, носительницей которого некогда была финно-угорская раса. Родственные отношения между финно-угорскими языками рассматриваются как следствие расового родства финно-угорских народностей. Эта теоретическая концепция буржуазных лингвистов используется фашистской буржуазией Финляндии и Венгрии для обоснования своих антисоветских и империалистических устремлений на северо-восток. Согласно марксистско-ленинскому языкознанию язык является продуктом общественного развития; он представляет собою идеологическую надстройку, закономерно отражающую в себе через посредство мышления сдвиги в социально-экономическом базисе. В противоположность лингвистам-индоевропейцам, сведшим весь процесс развития речи к распадению ими же искусственно реконструируемых праязыков, советское языкознание выдвигает скрещение в качестве важнейшего творческого факта развития речи и доказывает, что процесс языкотворчества в целом характеризуется схождением языков, приближением их к единому мировому языку; филиация же языков не универсальный процесс развития речи, а лишь языковая закономерность родового строя.

„Маньсийский народ, — пишет Б. Мункачи, — говорит на шести диалектах, резко отличающихся один от другого, которые по их родству можно разделить на две главнейшие группы:

I. На северную, каковой является язык маньсийского населения верхней Лозьвы, северной Сосьвы и ее притоков, и дальше по р. Оби.

II. На южную, ответвления которой: 1) среднелозьвинский диалект, находящийся в стадии окончательного отмирания; 2) нижнелозьвинский диалект; 3) пелымский диалект (по рр. Пелыму и Вагиль); 4) кондинский диалект; 5) тавдинский диалект" (см. NyK, XXI, 1890, 321).[1]

Маньси, не имея в прошлом письменности, очень хорошо сохранили старое устное творчество. Особенно хорошо оно сохранилось у северных маньси, которые, в силу сложившихся исторических условий, подверглись более слабому влиянию со стороны своих соседей и в гораздо меньшей степени ассимилировались с ними. Северные маньси до настоящего времени обладают чрезвычайно богатым фольклором, представляющим исключительный интерес как для исследователей-фольклористов, так и для языковедов. По разнообразию и высоте художественной значимости их поэтического творчества маньси могут быть выдвинуты на одно из первых мест среди финно-угорских народностей.

Первым вкладом в изучение маньсийского фольклора явился четырехтомный (еще неоконченный) сборник маньсийской народной поэзии Б. Мункачи, Vogul Népköltési Gyüjtemény, I—IV, 1892—1921.

Помещенные в этом сборнике фольклорные материалы охватывают все виды произведений устного творчества, ко-

---

[1] Финский ученый А. Каннисто в маньсийском языке насчитывает 13 наречий, подразделяя их с той же точки зрения на 4 группы: I — южная группа включает три наречия по р. Тавде; II — восточная — наречие Нижней Конды, наречие Средней Конды и наречие Верхней Конды; III — западная — наречие Пелыма, наречие Северовагильска, наречие Южновагильска, наречие Нижней Лозьвы и наречие Средней Лозьвы; IV — северная — наречие Верхней Лозьвы и наречие Сосьвы. (См. A. Kannisto, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen. Mém. SFOu XLVI, IV—V.) Сюда же следует отнести наречие обских маньси.

Произведенные от них летом 1934 г. записи фольклорных произведений показали, что в их языке имеются своеобразные фонетические и морфологические явления, позволяющие язык обских маньси рассматривать как одно из наречий северной группы, число которых пока еще недостаточно установлено.

торые в основном остаются характерными и для современного состояния маньсийского фольклора.

Классифицируя опубликованные фольклорные тексты с точки зрения содержания, Б. Мункачи намечает следующие виды:

1) песни и саги о сотворении мира;
2) героические песни и героические саги;
3) заклинательные формулы;
4) медвежьи песни;
5) песни о судьбе (лирические песни);
6) военные песни;
7) песни сценических представлений на празднике медведя;
8) звериные песни;
9) сказки;
10) загадки.

Маньсийский фольклор стоит в близком отношении к фольклору ханты. Эта близость объясняется общностью мировоззрения и близостью языка обеих народностей, живущих в одних и тех же социально-экономических условиях.

Тесная связь фольклора маньси и ханты с достаточной ясностью выступает даже при сопоставлении существующих видов фольклорных произведений как у тех, так и у других. „В остяцкой народной поэзии, — пишет С. Патканов, — можно различить следующие типы:

1) эпическая поэзия (героические песни и героические саги);
2) мифологическая и космогоническая поэзия (гимны, мифологические и космогонические саги);
3) медвежьи песни;
4) сказки;
5) лирическая поэзия (песни);
6) загадки. [1]

В приведенной классификации маньсийского фольклора Б. Мункачи в раздел „сказки“ включаются только такие повествовательные произведения, которые в большинстве сходны с общеевропейскими типами. Подобные сказки Мункачи называет сказками „социальными“ [2] и противопоставляет их сагам, ибо, по его мнению, известные до сего времени маньсийские сказки не представляются оригинальными плодами народного гения (см. Vog. Nép. Gy, I, XXXIX).

---

[1] Patk.[2] II, 01—05. (Объяснение сокращений см. на стр. 2.)

[2] В данном случае имеется в виду „Сказка о купце“, см. т. IV, стр. 324—344 („Вата хум мойт“).

С. Патканов под „сказками“ понимает рассказы из жизни простого народа и низших божеств (лесных духов „mẽnk“) и рассказы, представляющие собою не что иное, как русские сказки, перенесенные на остяцкую почву.

В представлении же самих маньси и ханты понятие „сказка“ (маньсийск. *мойт* — хант. *moñt*) имеет более широкое значение. „Сказка“ в маньсийском фольклоре охватывает разнообразные рассказы мифологического, эпического и бытового характера. У ханты под словом „сказка“ подразумеваются рассказы из жизни простого народа и героев, а также низших и высших божеств.[1]

Обобщение термином „сказка“ в маньсийском фольклоре разнообразных фольклорных произведений объясняется тем, что сами маньси свою поэзию подразделяют на два вида: *эрыг* — песня и *мойт* — сказка. Причем это деление на *эрыг* и *мойт* определяется не различием содержания, а внешней формой исполнения. Если фольклорное произведение поётся, то оно называется песней, если повествуется — сказкой.

Поэтому, если мы будем рассматривать маньсийскую „сказку“ с точки зрения восприятия и осмысления культивирующей ее народности, с учетом ведущих социальных мотивов и формальных особенностей, свойственных различным видам сказок, то мы во всем многообразии фольклорных произведений, охватываемых термином *мойт*, должны наметить три основных типа сказок: сказки мифологические, героические и бытовые. Мифологические и героические сказки тесно примыкают друг к другу. Это в одинаковой мере относится как к их содержанию, форме, так и к их языку. Бытовые сказки по отношению к ним стоят несколько обособленно.

Главные герои мифологических сказок в большинстве случаев общеплеменные, фратриальные и родовые божества — объекты религиозного культа. Сюжеты мифологических сказок развертываются на основе сочетания мифологических и героических мотивов. Наиболее типичными являются мотивы о происхождении земли, о возникновении людей и зверей, о появлении промысловых отраслей, о возникновении болезней и смерти, о героических поступках богов и священных богатырей, различных мифических существ и проч.

В мифологических сказках сильны следы тотемистического мировоззрения и анимизма, которые и обусловливают быто-

---

[1] Patk.[2] II, 021.

вание в них всевозможных чудесных превращений и существование мифических героев в образах различных рыб, птиц, зверей и растений.

Героические сказки менее фантастичны. Они проникнуты глубокими чертами реализма и представляют собой вполне сложившиеся эпические произведения, воспевающие в борьбе и в мире бывших маньсийских князьков, обожествляемых и почитаемых маньси.

Мифологические сказки в своем генезисе восходят к различным ступеням развития доклассового общества со свойственным для того времени мировоззрением.

Героические сказки возникают несколько позднее. Они рождаются на основе распада доклассового общества и связаны с процессом выделения предводительской верхушки — вождей и шаманов.

Теперь те и другие унаследованы в качестве пережитка и могут рассматриваться как неписанные памятники, отобразившие в себе различные стадии древней социальной организации маньси.

Сказки бытовые являются в основном жанром реалистическим. Чудесные и волшебные элементы, выступающие в них как отголоски мифологических сказок, играют второстепенную и подчиненную роль.

Типичные для бытовых сказок социальные мотивы по происхождению более поздние. Своими корнями они уходят к периоду установления над маньси господства русского самодержавия и в связанный с этим периодом активизировавшийся процесс классовой дифференциации. Видное место в этих сказках занимают сказки с антикупеческими, антипоповскими, античиновничьими и т. п. мотивами. Сюжеты подобных сказок развертываются в эпизодах борьбы и соприкосновения старых мифических героев или обыкновенных людей с новыми персонажами — купцами, попами, чиновниками, приказчиками, казаками, царями, в чем ярко проглядывает ненависть к поработителям, пронизанная стремлением к национальному освобождению. Выделение из среды маньси кулацкой верхушки явилось стимулом для распространения сказок с антикулацкими и антишаманскими мотивами, как следствие вызревшего протеста наиболее обездоленных бедняцких слоев населения против своих собственных эксплоататоров.

Буржуазные ученые противопоставляют маньсийскую сказку самобытному творчеству маньсийского народа — мифологической и героической поэзии. В их понимании

„социальная сказка" не является оригинальным плодом народного гения; она рассматривается как чуждое, наносное явление, механически привившееся и пассивно воспринятое под воздействием русской культуры.

Однако наблюдения над развитием позднейших мансийских сказок говорят нам о том, что в них мы имеем дело не с пассивным восприятием и не с одним только заимствованием, а с самозарождением антиэксплоататорских мотивов, которые в мансийском фольклоре слились с активным творческим актом по переосмыслению и переработке заимствуемых русских сказок.

Характерное свойство мифологических и героических сказок — это насыщенность их поэтическими явлениями и вытекающая отсюда органическая связь с песнями. Каннисто в своей рецензии на работу Б. Мункачи отмечал, что по форме различие между мансийской песней и сагой часто очень незначительно. В стихотворных строках песни между ясными стихами может вставляться отрывок чистой прозы, а саги могут быть обильны поэтическими украшениями: ритмом, параллелизмами и аллитерациями, так что иногда очень трудно определить, имеем ли дело с песней или с сагой. Различие А. Каннисто видит в том, что ритм и параллелизм в песнях появляется регулярнее, чем в сагах.[1] Тесный контакт между сказками и песнями проявляется не только в сходстве формальных особенностей, но и в том, что они и по содержанию часто идентичны.[2]

Бытовые сказки — это прозаические произведения. В них элементы поэтических форм, присущие песням, обыкновенно выступают лишь в некоторых застывших традиционных оборотах, ведущих свое начало от более ранних видов фольклора. Поэтому такие формальные особенности как ритмика, параллелизмы, аллитерации, эпитеты, метафоры в бытовых сказках появляются реже.

Что касается языка, то мифологические и героические сказки тоже значительно отличаются от сказок бытовых.

---

[1] A. Kannisto, Beiträge zur wogulischen Folklore und Dialektenkunde. FUF, VIII, 170.

[2] Б. Мункачи в „Введении" к сборнику (в главе „Общие свойства содержания и формы вогульского народного эпоса") приводит обычные окончания многих песен, которые показывают, что сами исполнители очень часто свое произведение считают одновременно и песней и сказкой. Например:

1. „Ань эргэ ти, ань мойтэ ти" — „Вот его песня, вот его сказка".

2. „Эргэ пыл оигпас, мойтэ пыл оигпас" — „Песня его кончилась, сказка его кончилась" и т. д.

Подавляющее большинство лексических и морфологических архаизмов выявляется главным образом на материале мифологических и героических сказок. Для бытовых сказок подобные архаизмы мало характерны, благодаря чему их язык стоит в очень близком отношении к современному языку маньсийского населения.

Настоящая работа написана на основе фольклорных материалов, собранных от северных маньси в 1933—1934 гг. на рр. Сосьве и Оби.

Кроме своих собственных записей, использованы также тексты сказок Б. Мункачи, помещенные в I и IV томах его сборника.

В основу транскрипции положен практический русский алфавит, принятый в настоящее время для маньсийского языка.

При написании слов, заимствованных из различных лингвистических работ, в большинстве случаев сохраняется транскрипция указываемого источника.

Моему руководителю Н. Н. Поппе, облегчившему своим опытным руководством в сравнительно короткий срок выполнение настоящей работы, выражаю глубокую благодарность.

Глубокую благодарность приношу также А. И. Емельянову, оказавшему мне помощь в использовании некоторых малодоступных для меня источников.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРАНСКРИПЦИИ

Буквы гласные

а — гласный *а* заднего ряда, нижнего подъема.

е — йотированный *йэ* (*je*) и гласный *е* переднего ряда, среднего подъема после мягких согласных.

ё — йотированный *йо* (*jo*) и гласный *о* заднего ряда, среднего подъема после мягких согласных.

и — гласный *и* (*i*) переднего ряда, верхнего подъема и сочетание *йи* (*ji*).

й — среднеязычный спирант *й* (*j*).

о — гласный *о* заднего ряда, среднего подъема.

у — гласный *у* (*u*) заднего ряда, верхнего подъема.

ы — гласный *ы* (*ь*) среднего ряда, верхнего подъема.

э — гласный *е* переднего ряда, среднего подъема в начале слов и после твердых согласных.

ю — йотированный *йу* (*ju*) и гласный *у* после мягких согласных.

я — йотированный *йа* (*ja*) и гласный *а* после мягких согласных.

Буквы согласные

в — губо-губной спирант *в* (*v*).
г — звонкий спирант *г* (*ḫ*).
к — неглубокий заднеязычный глухой *к*.
л — переднеязычный *л* (*l*).
м — губо-губной *м* (*m*).
н — переднеязычный носовой *н* (*n*).
нг — заднеязычный носовой *н* (*ŋ*).
п — глухой губо-губной *п* (*p*).
р — переднеязычный дрожащий *р* (*r*).
с — переднеязычный глухой спирант *с* (*s*).
т — глухой переднеязычный *т* (*t*).
х — глухой спирант *х* (*h*).

Мягкость согласных передается двумя способами:
1) написанием после них мягкого знака (*ь*),
2) написанием после них йотированных гласных *я*, *е*, *ё*, *ю*.
Перед гласным *и* мягкость согласных не отмечается.

II. ЛЕКСИКА

Анализ языка мансийских сказок свидетельствует о том, что их словарный запас в основном является общим и для живого разговорного языка. Все же, в сравнении с морфологическими и синтаксическими явлениями, лексика сказок включает в себя гораздо больше специфических особенностей, свойственных фольклорному языку в целом; благодаря этому лексика сказок выступает в качестве основного раздела настоящей работы.

В целях более разностороннего освещения лексики мансийских сказок и создания соответствующего фона для выявления ее специфики мы дадим краткую характеристику современного словарного запаса мансийского языка, в которую и войдут, по существу, языковые факты, общие сказочному и живому разговорному языку. Исключения будут отмечены ниже.

Сравнение мансийского языка с другими финно-угорскими языками указывает на наличие в нем большого количества слов, общих для всех или для большинства финно-угорских языков. Анализируя такие слова с смысловой их стороны, мы видим, что они отражают в себе различные стороны общественной жизни манси и разнообразные явления окружающей их действительности: природу, животный и растительный мир, бытовую обстановку, хозяйственную деятельность, социальные отношения (главным образом родственная терминология) и т. д.

Мансийский язык, имея сравнительно большое количество слов, общих большинству финно-угорских языков, обладает и своими специфическими особенностями, вытекающими из своеобразных условий жизни и хозяйства манси.

У манси, как и у целого ряда других народностей, близких к ним по степени экономического и культурного развития, очень развито конкретное мышление, которое по

своей природе связано с тем периодом развития человеческого общества, когда производство идей, представлений „непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей“.[1] Проявляясь в языке, оно находит свое выражение в богато развитой терминологии, содержащей в себе детальные обозначения предметов и объектов, играющих существенную роль в ведущих отраслях первобытной экономики того или другого народа.

Прекрасный материал, характеризующий конкретное мышление и его проявление в языке у так называемых „низших обществ“, собран в труде французского ученого Леви Брюля: „Первобытное мышление“, изд. „Атеист“. Приведенный в нем фактический материал (см. главу IV) показывает, что в языке многих народов, в общественном отношении стоящих на более низкой ступени развития, чем маньси, совершенно отсутствуют слова, обозначающие простейшие понятия, как то: рыба, птица, дерево, река и т. п.; для выражения же деталей явлений и их разновидностей эти языки обладают исключительно богатой терминологией. Маньсийский язык, тоже имеющий в своем распоряжении богатую терминологию по обозначению деталей явлений и их разновидностей, в своем развитии ушел гораздо дальше; в его лексическом составе широко распространенная детализированная терминология существует наряду со словами, выражающими простейшие понятия и, таким образом, обобщающими в себе то отдельное, что являлось содержанием слов при конкретном мышлении, не поднявшемся еще на уровень простейших абстракций.

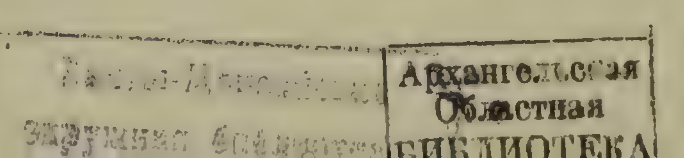
Занятие маньси рыболовством и охотой требовало от них освоения природных богатств — лесов, рек, озер, болот и способствовало выработке в языке богатой топографической терминологии, в которой, кроме общих географических названий, как то: лес — вор, озеро — тур, река — я, существует много дополнительных терминов, служащих для различения отдельных видов леса, рек, озер, болот и проч.; все они имеют очень важное значение в производственной жизни охотников и рыболовов.[2] Приведем некоторые из этих терминов:

уюм — лес на берегу реки;
сальки — еловый лес на берегу реки;

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., IV, стр. 16, 1933.

[2] Обращает на себя внимание также обилие орографической терминологии в языке манси-оленеводов. Хотя запись этой терминологии и



мисли — смешанный кедровый лес;
халяси — смешанный лес с преобладанием березы;
накаси — смешанный молодой лес с преобладанием сосновника
нюляси — пихтовый лес;
нангкаси— смешанный лес с преобладанием лиственицы;
суй — бор;
келыг — болото, сплошь покрытое водой;
янгкыл — болотистое место с чахлым лесом;
хомс — торфяное болото с мхом и ягелем;
няр — кочковатое болото с мелким кустарником;
сами — трясина;
хори — низина с мелким лесом невдалеке от берега, весной заливаемая водой, а летом пересыхающая;
хомал — бугристое болото, поросшее смешанным лесом;
урай — озерко около речного берега, весной заливаемое водой;
соим — маленькая речка;
хулюм — глубокая речка, в которой язи мечут икру;
сос — ручей;
посал — речная протока;
ахт — узкая протока, соединяющая сор (озеро) с рекой;
керас — скалистый берег, утес;
аврах — низкий обрывистый берег;
сип — крутой склон;
холмил — низкий берег с отлогим склоном;
нильтанг — яр;
хунгхал — слабый изгиб реки;
саме — крутая коса (сильный изгиб);
месыг — речная извилина;
нёл — мыс;
рось — песчаная отмель.

Не менее важное место в маньсийском языке занимает терминология рыболовная, охватывающая большой круг названий предметов и орудий, связанных с рыбным промыслом. В этом отношении на первый план следует выдвинуть отрасль так называемого запорного рыболовства, широко распространенного среди об-угров. Детальное ознакомление с терминологией запорного рыболовства можно получить в труде U. T. Sirelius, Über der Sperrfischerei bei den Finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.

Мы же в данном случае ограничимся небольшим перечнем слов, относящихся к этой производственной отрасли, в числе которых имеются и такие, которые не были отмечены Сирелиусом.

весьма неточна, так как производилась она не лингвистом, а географом М. Ковальским, совершенно незнакомым с маньсийским языком, тем не менее помещенная им туземная географическая терминология Урала в книге „Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой“ (т. I, СПб., 1853) представляет большой интерес с указанной точки зрения.

Виды запоров

я-арпи — большой запор, посредством которого загораживается река;
овам — запор, устраиваемый весной в низине, залитой водой, невдалеке от берега реки (см. хорп);
тур-тов-арпи — запор, поставленный в сору. Рыба вылавливается неводом;
арп-пал — небольшой запор около берега реки;
пагыг — запор, представляющий собою соединение двух запоров: арп-пал и запора в устье маленькой речки;
тур-хул-арпи — запор, устраиваемый в сору во время икрометания карасей;
ахт-арпи — маленький запор в озерной протоке.

Название частей запора (арп-пал)

сир — горизонтально-укрепленная жердь;
сама-ун — колья, воткнутые в реке и образующие опору, на которую укрепляется поперечная жердь (sir);
вата-ун — кол, воткнутый у берега реки, для прикрепления к нему поперечной жерди;
воль-ун — кол, подпирающий запор;
камка-ях-вата-ивыг — колья, между которыми устанавливаются гымги;
тарс — заграждение с прибрежной стороны;
нёл-тарс — заграждение, поставленное вдоль течения реки.

Кроме топографической и рыболовной терминологии, в маньсийском языке богато развита терминология оленеводчества (кстати, оленеводство у маньси имеет сравнительно недавнее происхождение — см. ниже, стр. 22) с большим количеством названий, даваемых оленю и классифицируемых по целому ряду признаков: по возрасту, производственным функциям, масти и проч. Например:

овка — прирученный олень;
пасыг — теленок до 1 года;
мань-пасыг — новорожденный теленок;
яныг-пасыг — теленок-подросток;
хар-пасыг — бычок;
нэви-пасыг — телочка;
сурти — теленок от 1 до 2 лет;
хар-сурти — бычок;
нэви-сурти — телка;
хум-сали — взрослый олень мужского пола;
хар — бык-производитель;
хопт — кастрированный бык;
хар-хопт — только что кастрированный бык;
нэви — важенка (взрослый олень женского пола);

хоптырка — неплодоносящая самка;
нэнтсати — яловая разжиревшая важенка;
нисьта — необученный олень;
оньсилаттал — обученный, но еще неиспользованный для езды олень;
сохт — олень-передовик, вожак;
хал — средний олень в запряжке;
пал — олень с боку запряжки;
сэмыл — олень черного цвета;
хансанг — олень пестрого цвета;
янгк — белый олень;
нярав — олень белоснежного цвета;
орас похап — олень с белыми боками;
восьрам — олень, у которого передняя часть головы и морды желто-коричневого цвета;
сярык — место, утоптанное оленями;
сув — место, утоптанное лосями.

Таким образом, приведенный нами материал показывает, что богато разработанная топографическая, рыболовная и оленеводческая терминология сложилась на основе главнейших отраслей хозяйственной деятельности северных маньси — охоты, рыбного промысла и оленеводства, развивавшихся в своеобразных географических условиях, типичных для пограничной полосы крайнего северо-запада Сибири.

В маньсийском языке наряду со словами, общими для большей части финно-угорских языков, общность коих представителями индоевропейской школы в языкознании рассматривается как результат праязыкового родства (причем условия образования этого праязыка и самый факт наличия общих элементов ими удовлетворительным образом не объясняются), существует известное количество и таких слов, относительно проникновения которых из других языков, в результате экономических и культурных связей, никаких сомнений нет.

В противоположность общему словарному запасу „исконному“, который считается все той же лингвистической школой продуктом самобытного народного творчества, словарные элементы, проникшие из других языков, противопоставляются ему как заимствования.[1]

[1] Проф. Сетала, один из видных представителей буржуазного финно-угорского языкознания на Западе, в своей работе Zur Frage nach der Verwandschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen, 1915, следующим образом резюмирует вышеотмеченные положения: „Man unterscheidet also zwischen dem einheimischen (ererbten) gut, welches gleichsam aus dem inneren der Sprache selbst hervorgewachsen ist, und dem entlehnten, welches gleichsam ein äusseres, der Sprache fremdes Produkt darstellt“.

Буржуазные языковеды при решении вопроса заимствований удовлетворяются большею частью чисто внешним (формальным) сходством словарных основ в сравниваемых языках. На основании этого формального сходства то или иное слово очень легко признается заимствованным, часто без достаточного учета конкретных исторических связей между отдельными народностями. В качестве неубедительности их критерия определения заимствований достаточно будет привести, например, хотя бы то, что маньс. „халь" — береза считается ненецким заимствованием слова ho — береза, березовый лес (Gomb. [1], 187); или маньс. „келыг" — болото — селькупским заимствованием слова „kālš" — болото (Gomb. [1]. 193) (см. Gombocz Zoltán, „Adalékok az obi-ugor nyelvek szokészletének eredetéhez", NyK, XXXII, 1902).

С другой стороны, процесс заимствования рассматривается ими очень односторонне, главным образом под углом зрения превосходства более развитых народов над культурно-отсталыми, судьба которых — пассивно воспринимать и пережевывать культурные понятия, принесенные сверху. Особенно характерно то, что творческие факты развития языка, т. е. создание новых словарных образований, лишь поражает буржуазного исследователя, который, констатируя их, с удивлением заявляет: в этих словарных образованиях „дали достаточно себя знать как находчивость, так и наивность". [1]

Новое учение о языке нанесло решительный удар индоевропейской теории, идеалистичной в своей основе. Оно совершенно по-иному подошло к вопросу заимствований и влияний в процессе развития языка. Не отрицая возможности самого факта заимствования, яфетидология призывает к определенной осторожности в слишком легком признании заимствования сходных форм одним языком от другого. Яфетидология, рассматривая языки в их динамическом состоянии и прослеживая стадиальные трансформации, вынуждена нередко признавать данную форму, наличную в двух сравниваемых языках, не заимствованною одним у другого, а преемственно сохранившеюся в обоих и в процессе стадиальных переходов. [2]

Современное состояние лингвистической науки по данному вопросу, с учетом всех вышеотмеченых положений,

---

[1] Aug. Ahlqvist, Über die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen. JSFOu, VIII, 1890, 2.

[2] Акад. И. И. Мещанинов, Проблема классификации языков. Изд. Акад. наук СССР, Л., 1934.

дает возможность говорить с достаточной определенностью о ненецких, коми-зырянских, татарских и русских заимствованиях в маньсийском языке.[1]

Первые из них, ненецкие, относятся главным образом к области оленеводства. Проникновение ненецкой оленеводческой терминологии в маньсийский язык шло, несомненно, одновременно с усвоением маньси оленеводства от ненцев. По К. Доннеру, главная масса „Югры“ под давлением коми-зырян и русских продвигалась на север и восток и уже в XIII и XIV веках переселилась в Сибирь. Постепенно она вступила в близкое соприкосновение с жившими тогда севернее и восточнее их ненцами и заняла не только места обитания тех, но заимствовала также и их оленеводство.[2] Ненецкие заимствования в маньсийском языке содержат названия оленей, одежды, сшитой из оленьих шкур, орудий оленеводства и проч.

Маньсийские	Ненецкие
1. овка — прирученный олень;	1. āwkka (Leht., 22);
2. хопт — кастрированный бык;	2. xāpt (Leht., 14);
3. хар — бык-производитель;	3. xōrra (Leht., 12);
4. нэнтсати — яловая разжиревшая самка;	4. ńiensatti (Leht., 14);
5. хоптырка — неплодоносящая самка;	5. xāptarkka (Leht., 14);
6. нёплув — олений теленок;	6. ńābl'ui — осенняя шкурка с молодого оленьего теленка (Leht., 62);
7. сахи — шуба;	7. sawik — верхняя шуба (Gomb.[1], 205);
8. ёх — шуба ягушка;	8. jikoda (Gomb.[1], 191);
9. порха — легкая шуба из неплюя;	9. parka (по сообщ. Г. Д. Вербова);
10. мольсянг — малица;	10. māl'it'e — шуба (Gomb.[1], 196);
11. тиньсянг — аркан.	11. tinze' (Gomb.[1], 209).

---

[1] Ahl.[2] = Aug. Ahlqvist, Über die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen. JSFOu, 1890.

Gomb.[1] = Gombocz Zoltán, Adalékok az obi-ugor nyelvek szókészletének eredetéhez. NyK, XXXII, 1902.

Gomb.[2] = Gombocz Zoltán, A vogul nyelv idegen elemei. NyK. XXVIII, II, 1898.

Kann. = A. Kannisto, Die tatarischen Lehnwörter im wogulischen. FUF, XVII, 1925.

Кроме указанных работ, по вопросу ненецких заимствований используем Lecht. = T. Lehtisalo, Beiträge zur Kenntnis des Renntierzucht bei den juraksamojeden. Oslo, 1932.

[2] K. Donner, Über das alter ostjakischen und wogulischen Renntierzucht. FUF, XVIII, 143.

В сравнении с ненецкими заимствования из языка коми-зырян имеют другой характер.

Коми-зыряне — западные соседи об-угров — сравнительно рано попадают под влияние русских. В XIV веке они принимают христианство и, находясь с давних пор в близком общении сначала с Великим Новгородом, а позднее с Московским государством, усваивают целый ряд навыков и обычаев русской культуры. Задолго до завоевания русскими северо-западной Сибири коми-зыряне находились в тесных торговых сношениях с об-уграми и регулярно совершали свои торговые поездки за Урал. В момент покорения северных ханты и ненцев коми-зыряне в русской хронике именовались „торговыми людьми“ и, как прекрасные знатоки местных условий, использовались царскими чиновниками и воеводами в качестве проводников казачьих отрядов и карательных экспедиций. [1] Позднее, в середине XIX столетия, часть ижемских коми переселилась на постоянное жительство в Березовский край, при этом большинство из них попрежнему продолжало заниматься торговлей среди местных аборигенов — маньси, ханты и ненцев. [2] Поэтому и естественно, что довольно рано оформившаяся торгово-капиталистическая верхушка коми-зырян как раз и оказалась в роли проводника русской и своей культуры среди маньси. Достаточно показательными в этом отношении могут быть следующие коми-зырянские заимствования в маньсийском языке.

Маньсийские	Коми-зырянские
1. сайт — рубль;	1. šaĭt (Ahl.[2], 15);
2. ярмак — шелк;	2. jermög („ 12);
3. пот — налог;	3. vot („ 13);
4. перна — крест;	4. perna („ 14);
5. нэпак — бумага;	5. nebök („ 13);
6. мойтак — мыло;	6. maitög („ 13);
7. туман — замок;	7. toman („ 15);
8. пасан — стол;	8. pizan („ 14);
9. иснас — окно;	9. ösin („ 12);
10. кур — печь.	10. gur („ 13).

[1] В наказе царя Бориса мангазейским воеводам написано следующее: „Да князю Василию и Савлуку взять на Березове у Воеводы у Князя Иванаж и у Григория в вожи Зырян торговых людей; и Вымич на все суды сколько человек пригож, которые бы Мангазейской и Енисейской ход знали и толмачить умели“ и т. д. Г. Ф. Миллер, Описание Сибирского царства. СПб., 1787, стр. 302. Подробнее см. стр. 306—307.

[2] В. Бартенев, На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896, стр. 36—37.

Татарские заимствования в подавляющем большинстве своем встречаются в южных, восточных и западных наречиях; в северных наречиях они имеются в сравнительно небольшом количестве. Объясняется это тем, что господство татар распространилось только на южные племена маньси и ханты, живших по Тавде, Конде и Иртышу. Северные же маньси верховьев Лозьвы и Пелыма, сосьвинские и обские за дальностью расстояния не были покорены [1] и оставались вне сферы непосредственного влияния со стороны татар. Поэтому можно предполагать, что татарские слова проникли в северные наречия через посредство других диалектов. Вероятнее всего передатчиком татарских слов был тавдинский диалект: он первый из всех попал под непосредственное воздействие татар, доказательством чего служат сами татарские заимствования в тавдинском диалекте, сохранившие в нем наиболее полно свою первоначальную форму (см. Gomb.[2], NyK, XXVIII, II, 148). Характер татарских заимствований в северных маньсийских наречиях свидетельствует о сильном влиянии татарского феодального государственного строя на социально-правовую сторону общественной жизни маньси.

Например:

Маньсийские	Татарские
1. хон — царь;	1. χan—хан, король (Капп., 107);
2. ёсавол — десятник;	2. jasaul — сторож, распорядитель (Капп., 97);
3. энгка [2] — служанка;	3. jiŋgä—жена старшего брата (Капп., 57);
4. хорахси — вор, бродяга;	4. karakce — разбойник (Капп., 111);
5. похатур — герой;	5. bagadur — храбрый (Капп., 148);
6. кусяй — хозяин.	6. χozä — хозяин (Gomb.[2], 165).

Кроме перечисленных заимствований в маньсийском языке имеются еще и такие, которые относятся к коневодству и к средствам передвижения на лошадях. При наличии у маньси своего слова „лув" — лошадь, общего остальным угорским языкам: хант. lov, венг. ló, а также и дру-

[1] Г. Ф. Миллер, Описание Сибирского царства. СПб., 1787, стр. 43.

[2] Для современного маньсийского языка слово „энгка" является архаизмом. Оно не употребляется в разговорной речи и сохранилось лишь в языке фольклора.

гих слов, связанных с коневодством (что указывает на древнее знакомство маньси с лошадью и со средствами передвижения на лошадях), присутствие в маньсийском языке подобных слов показывает, что процесс заимствования отнюдь не всегда происходит в результате заимствования того или другого предмета. Заимствованные слова могут встречаться наряду с национальными и даже вытеснять их в процессе длительных и частых сношений двух народностей. В частности это можно иллюстрировать следующими словами:

Маньсийские	Татарские
инар — седло;	ijär (Gomb.[2], 160);
хомси — плетка.	kamče (Kann., 106).

Русские слова были заимствованы маньси в период господства над ними русского самодержавия, продолжавшегося более трех столетий — начиная с конца XVI века и до самой Октябрьской революции. Обилие русских слов в маньсийском языке сравнительно с количеством слов, заимствованных из языков других народностей, объясняется тем, что русский царизм очень глубоко пустил свои щупальцы во все поры социальной и хозяйственной жизни маньси. С самого момента покорения маньси господство самодержавия покоилось на богато расцветшем чиновничье-бюрократическом аппарате (воеводы, приказчики, урядники, капитан-исправники и проч.), опиравшемся при сборе ясака и при других делах службы на вооруженную силу — казаков и солдат. Для удержания в повиновении непокорных „инородцев" русское правительство форсированными темпами насаждало христианство: строились церкви и часовни, на места посылались попы и миссионеры. Наконец, создавались школы, целью которых было выработать из среды самих туземцев проводников идей русского царизма и православной церкви в массы национального населения, как можно скорее вытравить все самобытное и национальное, присущее маньси, и, таким образом, превратить их в православных христиан как по духу, так и по жизни.[1] Рука об руку с руссификаторской политикой царизма шел активный

[1] Вот что пишет Екатеринбургский епархиальный комитет в своем отчете от 1902 г.: „Какое могучее орудие знание инородческого языка в деле школьном. Через школу скорее вогульский народ приобщится к русской культуре и скорее станет православным христианином не по имени только, но и по духу и жизни". „Екатерин. епарх. ведомости", № 12, 1903, стр. 294.

процесс продвижения к маньси русского торгового капитала. На территории расселения маньси строились лавки и скупные пункты. Торговцы и посредники-спекулянты (таковыми были большинство березовских жителей — см. Н. А. Абрамов, Описание Березовского края. „Записки Русск. геогр. об-ва", XII, 1857, стр. 346) поддерживали тесную связь с отдельными маньсийскими юртами, закрепляя свои торговые поездки различного рода кабальными сделками и долговыми обязательствами. Все эти политические, экономические и культурные отношения, существовавшие между порабощенными и поработителями, нашли яркое отражение в русских заимствованиях, из числа которых, как наиболее типичные, укажем следующие:

Маньсийские	Русские
сут	— суд, судья;
салтат	— солдат;
урятник	— урядник;
капитан	— капитан, капитан-исправник;
поп	— поп, священник;
перикарсик	— приказчик;[1]
керсенин	— крестьянин;
лапка	— лавка, магазин;
капак	— кабак;
парса	— баржа;
вина	— водка, вино;
парс	— барыш, прибыль;
касна	— казна, казенный;
цолковой	— целковый, рубль;
ропота	— работа, робить (сибирск. наречие);
нуса	— нужда, бедность, бедняк;
исвеся	— свеча;
воспоти	— господи;
венисьтахти	— венчается, венчать;
сопак	— сапог;
юпка	— юбка;
аскап	— шкаф;

[1] В случае стечения согласных в начале заимствуемого слова маньсийский язык избегал этого следующими тремя способами:

1) Через „metathesis", т. е. путем перестановки гласного первого слога в положение между начальными согласными:

Русск. труба — маньс. турпа;
„ крюк — „ курек;
„ крестьянин — „ керсенин.

2) Через вставку между начальными согласными гласного:

Русск. грех — маньс. карек;
„ приказчик „ перикарсик.

3) Через прибавление к началу слова гласного:

Русск. свеча — маньс. исвеся;
„ шкаф — „ аскап (Ahl.[2], 15, 16).

астакан — стакан;
сярка — чарка;
верста — верста;
арсын — аршин;
сутка — сутки;
турпа — труба;
курек — крючок, крюк.

Наряду с непосредственным заимствованием в тот же самый период в маньсийском языке шел процесс создания новых словарных образований, представляющих собой перевод на маньсийский язык тех объектов и понятий, которые были принесены к маньси извне русскими. Например:

кабак (чайная) — айнэ кол (букв.: дом для питья; питейный дом);
церковь — ялпынг кол (букв.: святой дом);
тюрьма — турман каснэ кол (букв.: темный казенный дом);
пароход — наинг-хап (букв.: огненная лодка);
официантка — сяи тотнэ нэ (букв.: чай разносящая женщина).

С установлением на Севере советской власти и с развитием социалистического строительства, как уже об этом указывалось в первом разделе, начался быстрый рост в экономике и культуре маньси. Это, естественно, должно было вызвать изменения в словарном составе маньсийского языка, что на самом деле и произошло. В послереволюционное время маньсийский язык, получивший все условия, стимулирующие развитие его как национального языка, обогатился большим количеством новых слов, которые вошли в его словарный запас как советизмы.

Под советизмами следует понимать такие слова, которые появились в послереволюционное время на основе советско-русской и международной терминологии, и слова, образовавшиеся из лексического материала самого маньсийского языка в условиях советской действительности.

Принципиальное отличие советизмов от дореволюционных заимствований заключается в том, что, во-первых, они отражают в себе социалистическую перестройку экономики и культуры маньси; во-вторых, выражают происшедшие на основе этой перестройки сдвиги в сознании трудящихся масс, превратившихся в активных участников социалистического строительства, и, в-третьих, являются первым существенным звеном в интернационализации маньсийского языка. И, наконец, специфика советизмов заключается в том, что если дореволюционные заимствования являются словами, механически привившимися в маньсийском языке в условиях национального гнета, то советизмы, наоборот,

органически вошли в словарный состав маньсийского языка в процессе активного включения маньсийцев в социалистическое строительство.

Здесь же следует отметить, что многие русские слова, впитанные маньсийским языком после революции, не являются чисто русскими; они давно приобрели международный характер и распространены во всех языках мира.

Советизмы, появившиеся в маньсийском языке на основе советско-русской и международной терминологии, следующие:

совет	— совет;
комунист	— коммунист;
комсомол	— комсомол;
телекат	— делегат;
милисонер	— милиционер
коператив	— кооператив;
план	— план;
опликасья	— облигация;
интэкрал	— интеграл

(интегральная кооперация) и др.

Процесс интернационализации характерен для целого ряда других слов, которые хотя еще и не завоевали прав гражданства в мировом масштабе и в большинстве случаев переводятся на соответствующие языки мира, но тем не менее уже являются достоянием языков многих национальностей Советского Союза и, таким образом, с каждым днем все более и более приобретают интернациональное значение:

колхос	— колхоз;
арталь	— артель;
косторка	— госторг;
райсполком	— райисполком;
токовор	— договор;
утарник	— ударник;
кулак	— кулак.

Новые словарные образования, создававшиеся в условиях советского строя из лексического состава самого маньсийского языка параллельно процессу проникновения новых слов из русского языка, отобразили в себе многое из того, что дала маньси советская власть и что стало им доступно на основе установления прочных культурных и экономических связей между отдаленными уголками Крайнего Севера и центральными районами Советского Союза. Так, например:

ударник	— такысь ропитан хум (букв.: крепко работающий человек);
столовая [1]	— тэнэ кол (букв.: дом для еды);
культбаза	— ильпи ус (букв.: новый город);
туземный совет	— мир кол (букв.: народный дом);
клуб	— ёнгын кол (букв.: дом для игр, т. е. дом, где устраиваются культурные вечера);
аэроплан	— товлынг хап (букв.: крылатая лодка);
паровоз [2]	— наинг туйт (букв.: огненные сани);
железная дорога	— кер лёнгх (букв.: железная дорога).

Эти словарные образования, будучи одной из форм проявления и развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры манси в условиях советского строя, вместе с советизмами, имеющими международное значение, являются двумя параллельными протоками одного русла, по которому мансийский язык приближается к будущему интернациональному языку, — ибо „в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым.“[3]

В заключение следует отметить, что советизмы нашли широкое распространение не только в бытовом языке манси, — они начинают завоевывать себе видное место и в языке современного устного творчества.

Из всего вышесказанного явствует, что словарный запас современного мансийского языка содержит в себе следующее: словарные элементы, общие большинству финно-угорских языков, специфические элементы, развившиеся на основе ведущих отраслей материального производства манси, ненецкие, коми-зырянские, татарские и русские заимствования и, наконец, советизмы, как непосредственно проникшие из русского интернационального словаря, так и образовавшиеся из лексического материала самого мансийского языка в условиях советской действительности.

Из всех этих явлений современного словарного запаса

---

[1] Столовые на Сосьве появились недавно. Осенью 1934 г. они были организованы интегральной кооперацией для ударников рыболовческих артелей.

[2] Манси—члены Совета и курсанты, побывавшие в гг. Надеждинске, Свердловске и Ленинграде, сделали понятия паровоз, железная дорога достоянием всего мансийского населения.

[3] И. В. Сталин, Заключительное слово по докладу на XVI съезде ВКП(б). См. „Вопросы ленинизма“, изд. 9-е, 1933, стр. 571.

маньсийского языка для лексики сказок остались чуждыми советизмы: по отношению к советизмам сказка проявила известный консерватизм и оказалась неспособной использовать их.

Объясняется это тем, что сказка как старый фольклорный жанр, связанный силой традиции, лишь в своем позднейшем слое явился революционно-демократичным по содержанию, да и то в рамках досоветского периода; современные мотивы социалистического строительства пока еще не нашли своего отражения в содержании маньсийских сказок.

За исключением советизмов, все остальные явления современного словарного запаса маньсийского языка образуют общее достояние сказочной и обыденной речи.

Специфика лексики сказок в сравнении с лексикой живого языка заключается в архаичности многих слов, уже отживших или отступивших на задний план, с одной стороны, и в наличии значительного количества таких словарных образований, которые представляют собой сочетания слов, необычные для живой речи,—с другой.

Критерием определения архаических слов, в особенности тех, по поводу которых оказались недостаточными имеющиеся материалы по живому разговорному языку и знание последнего автором, служили показания Ефима Евлампьевича Монина и Ефима Васильевича Монина.

Е. Е. Монин — девятнадцатилетний маньси, уроженец Петкас-павыл на р. Сосьве. По социальному происхождению бедняк. До 16 лет совершенно не знал русского языка. В 1933 г. окончил годичные национальные курсы в г. Остяко-Вогульске. Работал заместителем председателя Сартыньинского нацсовета.

Е. В. Монин — восемнадцатилетний маньси, уроженец Петкас-павыл на р. Сосьве. По социальному происхождению середняк. До 16 лет совершенно не знал русского языка. В 1934 г. окончил двухгодичные национальные курсы в Березове. Работал заведующим ларьком интеграла в Петкас-павыл.

Оба они принадлежат к тому поколению маньси, которое в значительной мере утратило фольклорную традицию, благодаря чему специфика языка сказок была легко доступна их восприятию. На фоне современного маньсийского языка, путем сопоставления и параллелей, нам удалось выявить лексические своеобразия, сохранившиеся в языке сказок в качестве пережиточных явлений.

Всю совокупность специфической лексики сказок мы подразделяем на две группы:

1. Слова, осмысляемые маньси.
2. Слова, не осмысляемые маньси.

1. СЛОВА, ОСМЫСЛЯЕМЫЕ МАНЬСИ

А. Имена сказочных героев

1. **Овыл нёхыс ханит хум** — первый соболиный охотник (букв.: первый человек по повешивании соболя).
2. **Эква-пырись** — сынок женщины. Главный герой маньсийских сказок. При его имени в сказках обычно употребляется традиционный эпитет: эрыг тотнэ хум, мойт тотнэ хум — в песнях прославляемый человек, в сказках прославляемый человек. В современной номенклатуре родства термин „эква-пырись" отсутствует.
3. **Наинг хон** — огненный царь.
4. **Симтал-майттал хон** — бездушный царь (букв.: царь без сердца и без печени).
5. **Сэмыл хоптынг хум** — муж, имеющий черного (оленьего) быка.
6. **Кит хоптыркаng хум** — муж, имеющий двух неплодоносящих (оленьих) самок.
7. **Хонт торм ойка** — старик — бог войны. По маньсийским преданиям он является основателем городка, остатки которого в виде земляного вала окружностью в 300 шагов, под названием „ус сяхыл" — городской холм, сохранились до настоящего времени невдалеке от Ломбовожских юрт по р. Ляпину.
8. **Келп лэнь** — красная белка (жена Хонт торм ойки).
9. **Совыр лапант эква** — заяц-бабочка женщина.
10. **Лилинг вор сянгси пыг** — сын живого лесного воробья. В сказках этим именем Кирт-нёлп-эква называет Эква-пырися.
11. **Этпос аги** — дочь месяца.
12. **Хотал аги** — дочь солнца.
13. **Хотал эква** — женщина-солнце. По данным маньсийского фольклора, месяц — мужского рода: Этпос ойка — месяц-старик, а солнце — женского рода: Хотал-эква — солнце-женщина.

14. **Хуль, Хуль отыр** — владыка подземного мира, ведающий царством мертвых и насылающий на людей болезни. Один из героев мифологической поэзии. Имеет очевидную связь с упоминаемым в живой речи „Тэрн хуль“ (страшная губительная болезнь).

15. **Куль, Куль отыр** — чорт, злой дух; вор-куль — лесной чорт; вит-куль — водяной чорт. В живом языке слово куль употребляется в качестве ругательства.

    Маньс. Хуль (Куль). Ср. фин. Ķoljo || Ķiljo — великан (мифическое существо); удм. kil': 1) тяжелая болезнь; 2) злой дух, который распространяет болезни; ком. kul' — чорт, злой дух, водяной дух; хант.-каз. kol'; ирт. kul' — чорт, водяной дух (ругательство).

    (См. E. N. Setälä, Studien aus dem Gebiet der Lehnbeziehungen. Helsinki, 1912, 10—18.)

16. **Хуль отыр аги** — дочь богатыря Хуль.
17. **Вор пупыг хуль аги** — дочь лесного божка Хуль.
18. **Кирт нёлп эква** — женщина с длинным утиным носом (букв.: женщина с носом кирт). Ср. маньс. киртыг — утка шилохвост. Хант. kirt n'at—большеносая женщина (Paas.). В передаче Е. Е. Монина Кирп нёлп эква — женщина с сопливым носом.
19. **Тан варп эква** — женщина, делающая нитки (о суфф. -п- в слове варп см. ниже, стр. 49).
20. **Тарынг ёвт кумрип** — производящий шум корневым луком. Маньс. кумринг суй — грохочущий шум; хант. kumrəŋ sij—грохочущий шум (Paas.). Маньс. няйт хум коип кумрасп (шаман в барабан грохочет) (о суфф. -п- в слове кумрип см. ниже, стр. 49).
21. **Усынг отыр ойка** — старик, городской богатырь.
22. **Лопынг овыл ҫат отыр** — семь богатырей вершины речки Лопынг (впадающей в Ляпин).
23. **Пакв поси войкан отыр** — богатырь белый, как ядро ореха. В тексте Мункачи: Керынг-пакв-сам-войкан-посыг-намынг-отыр. Именитый богатырь белый, как зерно кедрового ореха в скорлупе (Vog. Nép. Gy, II, 0195).
24. **Вор мис нэ** — лесная женщина мис (лесная добрая волшебница).
25. **Вит мис нэ** — водяная женщина мис (водяная добрая волшебница).
26. **Ур мис хум аги** — дочь горного человека мис (дочь доброго горного волшебника). Этимология слова „мис“ непонятна.

27. **Сат кер пор нэ** — семь железных женщин пор (семь железных лесных ведьм). Этимология слова „пор“ непонятна.

28. **Менгкв** — мифический великан (злой лесной дух).

29. **Сорни сиськве** — золотое дитятко. Употребляется в качестве эпитета при имени богини „Калтысь“. Эпитет „Сорни сиськве“ имеет очевидную связь с легендарной Золотой бабой, которая некогда изображала какую-то богиню плодородия, судьбы и богатства (в вогульском смысле этого слова — удачного промысла). По предположению Н. С. Трубецкого, Золотая баба — идол вогульской богини Калтысь (см. Н. С. Трубецкой, К вопросу о Золотой бабе, журн. „Этнограф. Обозрение“, 1902 г., № 1—2). В живом языке „Сорни сиськве“ используется в значении ласкательного термина; например, девушка говорит парню: „Сорни сиськве“ — „Золотое дитятко“ или „Золотой голубчик“.

30. **Сорни Кворыс** — Золотой Кворыс. Один из титулов Нуми-торума — верховного бога маньси.

31. **Най** — героиня, богатырша (княжна). Слово „най“ употребляется еще и в других значениях: 1) владычица, хозяйка; в живом языке только по отношению к владелице собаки. Например, кутю наеныл юв-ояс — собака от своей хозяйки домой убежала; 2) в значении „огонь“ (наиболее распространено); например, най тэг — огонь горит (букв.: ест); или в сказках:

Наинг ма ке олыс, найтал варыслум; витынг ма ке олыс, виттал варыслум.

С огнем ли была земля, без огня ее сделал; с водой ли была земля, без воды ее сделал.

32. **Отыр** — богатырь, герой (князь); в сказках обычно ставится в параллель со словом „най“. В живом языке слово „отыр“ — в значении владыка, хозяин — употребляется только по отношению к владельцу собаки. В мифологической сказке „Хуль отыр мойт“ (Vog. Nép. Gy, I, 165) встречаем то же самое: Нуми торум говорит провинившейся собаке:

„Тэн нотэн палитыл нанг наягын-отрагын вос олэыг, нанг энкаен-хусен вос олын“.

...Они (люди) весь век пусть будут твоими владыками (хозяйкой и хозяином), ты будешь жить работником (служанкой и слугой).

33. **Най аги** — дочь героини (княжеская дочь).

34. **Отыр аги** — дочь богатыря (богатырская дочь). В традиционных сказочных оборотах это имя вместе с предшествующим (33) обыкновенно стоят параллельно друг другу, например:

Ман тэлм най аги, ман тэлм отыр аги.

То ли природная геройская дочь, то ли природная богатырская дочь.

То же самое в хантыйских сказках:

Муй тыгем най эви, муй тыгем урт эви.

То ли природная княжеская дочь, то ли природная богатырская дочь. (Собств. запись от ханты из Большого Атлыма Лазарева.)

35. **Най хум** — герой-человек (герой).
36. **Отыр хум** — богатырь-человек (богатырь). В традиционных сказочных оборотах эти слова обыкновенно стоят параллельно друг другу. Например:

Ман тэлм най хум, ман тэлм отыр хум.

То ли природный герой, то ли природный богатырь.

37. **Най вапс** — зять-герой.
38. **Отыр вапс** — зять-богатырь.
39. **Тур халэв войкан отыр** — озерная чайка белый богатырь.

Б. Жилища и места обитания сказочных героев

1. **Нёхс пити**—соболиное гнездо (жилище одной сказочной героини).
2. **Уй пити** — звериное гнездо.
3. **Ахвтас кол** — каменный дом.
4. **Миннэ лув, хайтнэ лув хуринг ус** — город с фигурою идущей лошади, бегущей лошади.
5. **Тангквитим, хаслитим кол**—заилевевший, покрывшийся мхом дом.
6. **Кер ус** — железный город.
7. **Ахвтас ус** — каменный город.
8. **Кер квалыг таляхт ханнэ ус** — город, висящий на конце цепи.
9. **Хон ус** — царский город; г. Свердловск (б. Екатеринбург) стариками маньси назывался: нэ хон ус — царицын город.
10. **Торум ус** — божий город. (О слове „торум“ см. ниже.)
11. **Нэнг сам** — женский край (страна).
12. **Хуминг сам** — мужской край (страна). Традиционный сказочный оборот:

Нэ минам нэнг сам кинсунгкв минимен, хум минам хуминг сам кинсунгкв минимен.

Пойдем искать женскую страну, исхоженную женщинами, пойдем искать мужскую страну, исхоженную мужчинами.

13. **Торум** — страна, край.

Мортим торум — южная страна.

Наинг торум — страна героинь.

Отрынг торум — страна богатырей. Слово „торум" в маньсийском языке выделяется из числа других своим полисемантизмом. Оно употребляется в значении: небо, погода, век, бог и проч. С указанным же выше значением — страна, край—встречается только в фольклоре. В живой речи обыкновенно говорят: ам мортим ман ялсум — я ездил в южную землю.

14. **Ёли торум** — нижнее небо (т. е. земля).

Нуми торум — верхнее небо. В мифологических сказках эти понятия олицетворяются и выступают в качестве героев, причем верхнее небо считается отцом, а нижнее — матерью.

Нуми-торум асюм — вышний торум, наш батюшка.

Ёли-торум сянюм — нижний торум, наша матушка.

У ханты, так же как и у маньси, слово tûrum включает в себя целый ряд понятий: небо, бог, вселенная, погода и т. д. (См. Patk. [2], I, VII.) Н. Я. Марр на основе палеонтологического анализа речи установил, что „небо" — „бог" обычное семантическое развитие, поскольку речь идет о космическом вообще боге, о боге-светиле, солнце и т. д. (См. „Язык и общество", стр. 161.) Полисемантизм слова „небо" представляет собою продукт космического словотворчества, когда в сознании в результате диссоциации идей из единого общевоспринимаемого образа выделяются частные его виды, которые получают обозначения, как часть по целому. Так, например, выявилось, что названия птиц общие, частные и видовые означают собственно небо, небеса. (См. „Язык и общество", стр. 32.) В анализе целого ряда других примеров Н. Я. Марр показывает, что небо, круг, время, год яфетически выражаются одним и тем же словом. (См. „Язык и общество", стр. 7.)

15. **Наинг кол** — геройский дом.
16. **Отрынг кол** — богатырский дом.
17. **Най пити** — геройское гнездо, жилище.
18. **Отыр пити** — богатырское гнездо, жилище.
19. **Наинг ус** — геройский город, жилище.

20. **Отрынг ус** — богатырский город.
21. **Наинг сам** — страна героинь.
22. **Отрынг сам** — страна богатырей.
23. **Наинг ма** — земля героинь.
24. **Отрынг ма** — земля богатырей.

В. Термины, связанные с военным бытом

I. 1. **Ёр тотнэ ма** — место борьбы с врагом (букв.: место, носящее силу).

В таком, например, выражении:

Нам тотнэ намынг отыр пыг, суй тотнэ суинг отыр пыг тагланэ масыс. Хонтлакетэт ёр тотнэ ма ликми ке, тавеныл оигпанэтэ атим, тавеныл миннэтэ атим.

Сын именитого богатыря с славным именем, сын славного богатыря с громкой славой надел свои одежды. Если случится ему во время войны где-либо сражаться, нет спасения (врагу) от него, нет (ему) убежища от него.

2. **Сув саграп** — секира.
3. **Овта** — военное копье.
4. **Сат нак сирай** — семисуставная сабля.
5. **Юнтуп сам нял** — стрела с граненым шилообразным наконечником, легко проникающая в скважины панцыря.
6. **Кер хуснап ёвт** — лук с железными накладками.
7. **Юнтуп (тагыл)** — панцырь, кольчуга.
8. **Лахыр** — панцырь, кольчуга. Ср. хант.-ирт. taχr (Patk. [1]).

II. 9. **Кераль ив (керил ив)** — остроконечный частокол, защищающий городок.

10. **Тэрын сэнгкв** — военный гнев (сэнгкв — в буквальном значении туман). В живом языке маньси слово тэрын = хонт. Ср. хант. tārəŋ ār — военная песня. (J. Papaj, Osztj, Nép. Gy, V, LXX). Маньс. „тэрынг эрыг“ — военная песня.

С. Патканов предполагает, что под словом tārn подразумевается уже забытое теперь злое существо — богиня огня и войны (см. Patk. [2], I).

Г. Предметы хозяйственного быта и обихода

I. 1. **Сат паляп пайп** — чуман с семью ушками.
2. **Сат накпа олн пут** — семисуставный серебряный котел.
3. **Олн сув** — серебряный посох.
4. **Олн луспа, олн лакпа сермат** — обрать с серебряными кистями, с серебряными кольцами.

5. **Хансанг инар** — узорчатое седло.
6. **Сат нак кер ангквал** — семисуставный железный столб.
7. **Аргын олн хангхальтап** — серебро-медная лестница.
8. **Кер хап** — железная лодка.
9. **Кер патас** — железный перевес (орудие для ловли уток).
10. **Кер арпи** — железный запор (заграждения через реку).
11. **Нёхс сахи** — соболиная шуба.
12. **Уй сахи** — шуба из зверя.
13. **Витвит** — берестяное ведро. Основное значение однозначных компонентов этого слова „вода“, вит-вит — вода-вода.[1]

II. 14. **Сорынг тэп, магынг тэп** — яства сыченые, яства медовые (букв.: пивная еда, медовая еда).

Ср. тат. sur — пиво, фин. mete — мед, мар. mü — мед, удм. mu — мед, ком. maļ — мед (< maļa-zy — медовая мушка).

Д. Птицы и животные

I. 1. **Кер хортхан** — железный ястреб (птица, в которую обращается шаман).
2. **Кер тахт** — железная гагара.
3. **Кер лули** — железная гагара (лули — вид гагары).
4. **Янгк хулах** — белый ворон. (Три последние птицы играли роль в истории сотворения мира.)
5. **Сорнинг лунт** — золотой гусь.
6. **Сорнинг вас** — золотая утка (символический образ Мир-суснэ-хума; см. ниже, стр. 38, примечание).
7. **Сорнинг пирва** — золотой чирок (птица, в которую обращался сказочный герой Парапарсюх; см. стр. 39).
8. **Кер лув** — железная лошадь и
9. **Сат товлуп лув** — семикрылая лошадь (лошади Мир-суснэ-хума).
10. **Кер уй** — железный зверь.

Акв сунтуп сат Ас сунт кер уин лап-хуима.

Устье семи Обей с устьем заграждено было лежащим там железным зверем.

11. **Сорнинг катирись** — золотая кошечка.
12. **Сэмыл уй, выгыр уй** — черный зверь, красный зверь.
13. **Тангкыр** — мышь.

Эква-пырись тангкыр лэг осься сёхритэ лэватас. Эква-пырись выхватил свой тонкий нож, как мышиный хвост. Ср. маньс.-конд. тангкыр — мышь; хант.-ирт. teŋkьr — мышь (собственная запись).

[1] Простое звукоподражание. (*Ред.*).

В живой речи сосьвинских и ляпинских маньси мышь называется матаприсъ. Например:

Ялпус ойка маныр хурил яласи? Матаприсъ хурил яласи.

В чьем образе ходит старик (божок) поселка Люликар? В мышином образе ходит.

14. **Махар** — мамонт (букв.: земляной бык).

Е. Прочие слова

1. **Наинг торум** — вселенная (огненное небо).

Кис хур ёнгхум наинг торум палитыл такли пунэ сёвнахнэ этэ ёнгхи, хоталэ ёнгхи.

С пеньковыми перьями сойка ночь летает кругом, день летает кругом по всей вселенной, вращающейся обручем.

2. **Исынг торум** — древняя эпоха.
3. **Нотынг торум** — вечная эпоха.

2. СЛОВА, НЕ ОСМЫСЛЯЕМЫЕ МАНЬСИ

А. Имена сказочных героев

1. **Тарыгпесьник малясов** — имя Мир-суснэ-хума в священной сказке о происхождении земли.

У Мункачи то же самое имя имеется несколько в другой форме.

Тари-песь-нималясов, т. е. у него Тарыгпесьник разделено на три части, причем последняя часть без конечного согласного „к" соединена с первой половиной следующего слова „малясов". Мункачи сам не уверен в правильности деления имени на части, т. к. диктор его не мог, или вернее не хотел, объяснить значение этого имени (см. Vog. Nép. Gy, I, 181). Мункачи предполагает, что Тари-песь-нималя-сов означает: журавлиное бедро — лыжи — шкура. Такая этимология ему кажется правдоподобной потому, что в этом имени он видит следующие слова: „тари" (тарыг) — журавль, [1] „песь" — бедро, „нималя" — сев.-ост.

[1] Мункачи отмечает, что одним из образов Мир-суснэ-хума (мирового надзирателя, седьмого сына Нуми торума) является белый журавль, и что журавль фигурирует в остяцком названии высочайшей святыни — обского мыса, лежащего вблизи Белогорских юрт: Торнёл нилтанг, вой·нёл нилтанг елпынг аут — священный мыс с перевесом для журавлиного носа, с перевесом для птичьего носа.

nimel — лыжи, „сов“—шкура (см. Vog. Nép. Gy, I, 181). Но в какой смысловой и синтаксической связи со словом журавль могут быть следующие за ним бедро, лыжи, шкура—совершенно не ясно. Мы с своей стороны можем только сказать, что первое слово именной композиции „Тарыгпесьник малясов“ несомненно русское „трапезник“ с вставкой гласного звука между двумя начальными согласными, по требованию маньсийской фонетики. В живом языке маньси слово „тарыгпесьник“ означает трапезник. Этимология второго слова „малясов“ и для нас остается неясной.

2. **Парапарсюх** — герой священной сказки о происхождении земли. Мункачи считает, что слово Парапарсюх является сложным словом. Подтверждение этому он видит в названии мифической горы „парап най ангкв“ (в космогонической песне), которая, по словам его диктора, находится в истоках р. Туры.

Первую часть слова „парап“ Мункачи считает тождественной с названием Барабинской степи „бараб“, вторую половину слова „арсюх“ ставит в связь с древнеперсидским Aršaka, арм. Aršak, лат. Arsaces.

Араб. Ašak — имя парфянской и армянской династии (Vog. Nép. Gy, I, 184).

3. **Елм** — божеское имя параллельно имени Торума. Тождественно хантыйскому jelьm (в хант. песнях Num-Jēlьm—Vog. Nép. Gy, I, CCXCVI).

В моих текстах сказок слово „елм“ встречается в следующем выражении:

Та ма елм самт, та ма торум самт сорнинг лупта халь оли.

В пределах елма той земли, в пределах торума той земли есть береза с золотыми листьями.

4. **Ими хили ворт** — богатырь внук женщины.

Кирт-нёлп-эква говорит Эква-пырисю:

„Ими хили ворт вохтляим“—Зову я тебя богатырем Ими-хили.

Маньс. Эква-пырись (сынок женщины) ~ хант. ими хили (внук женщины).

Хант. wòrt — богатырь (Paas.)
„ x̂ili — внук (Beke)
„ imi — женщина, бабушка (Ahl.[1])
„ voxtem — зову (Ahl.[1])

5. **Ек руси хум** — старик русский человек.

Вероятно это видоизмененное хантыйское название божка—Русь тунгх ики — русский божок старик. Идол этого божка находится на одной из Обских проток невдалеке от юрт Сугухт курт.

По рассказам стариков, ханты в давние времена украли этого божка у русских и превратили его в своего бога. Молятся ему и обращаются за помощью в том случае, если человек совершает преступление и подвергается наказанию. По мнению стариков, этот божок способен изменять мысли людей:

Русь номс кертты ху, ханты номс кертты ху.

Человек (божок), вертящий умом русского, вертящий умом ханты.

(По сообщ. К. Маремьянина, ханты Шеркальских юрт.)

6. **Калт ялантам яланг номс, Лонгхыт ялантам яланг номс** — мысль с полетом летающего Калта, мысль с полетом летающих Лонгхов (божков).

Хант. kalt — божок (Beke)
„ toṅχ — божок (Ahl[1].)
„ nomis — ум, мысль (Ahl.[1]).

(О суфф. -нг см. ниже, стр. 49.)

7. **Калт ворыс хуринг отыр пыг, вохт ворыс хуринг отыр пыг** — сын богатыря в образе божка-сокола, сын богатыря в образе змеи-сокола.

Хант. vᵘåreš — вид сокола (Paas.) = маньс. ворыс
„ vâhte-vôje — священная змея (Patk.[2], I, VII)
„ voht-voj — змея в сказках.

(По сообщ. К. Маремьянина.)

8. **Манта вой сат отыр** — летающие птицы-семь богатырей.

Хант. manta — итти, летать
„ woj — зверь, птица (Ahl.[1]).

В тексте: Хапынг я, тупынг я наме — Манта вой сат отыр.

Имя реки с лодками, реки с веслами — Летающие птицы-семь богатырей.

9. **Вотла хуен сэвп сат отыр** — семь богатырей с косами лесного человека.

Хант. Ср. обск. вотлэ — место обитания охотника в лесу.
„ вотлэнг ху — лесной человек
„ сэв — коса (волосы) (Маремьянин).
(О суффиксе -н в слове хуен см. ниже, стр. 50.)

10. **Нёхсэн пун, воен пун кол юрт отыр** — богатырь уютного уголка с мехами соболиными, с мехами звериными. Юрт—разновидность ёрт (местный падеж < jor—место), получившаяся в результате перехода у → о, обычного в этом слове и во многих других. Кол ёрт — в домовом месте, в уютном месте (уголке).
манси. нёхс — хант. ŋohos — соболь (Ahl.[1])
„ пун — „ pun — перо, шерсть, мех (Ahl.[1]).
(О суффиксе -н в словах нёхсэн и воен см. ниже, стр. 50.)

11. **Аянг хум пыг (аинг хум пыг)** — оруженосец (маленький сын человека).
Хант. ай — маленький.

12. **Товлынг Калм** — божий вестник (букв.: крылатый Калм).

13. **Итул** — идол (божок).
Ср. русск. идол.

14. **Энгка-хусь** — слуги (букв.: служанка и слуга).
(Энгка см. гл. II, стр. 24.)
хусь ср. селькупск. kaž — раб, слуга (Gomb.[1], 190).

Б. Прочие слова

1. **Калт латум тэхал ус, Лонгхыт латум тэхал ус** — гнездо-город сходящего Калта (божка), гнездо-город сходящих Лонгхов (божков).
Хант. teḫol — гнездо (Beke)
„ lat — опускаться; lātəm — опустившийся (Beke).

2. **Ёсынг курынг вет сиськи** — пять воробьев с ногами и руками.
Хант. još — рука (Ahl.[1])
„ kur — нога (Ahl.[1])
„ šiške — воробей — маньс. сянгкси
„ vet — пять (Beke).

3. **Сесь вох** — деньги из серебра особого состава (?).
Сесь вохи ирынг тайтыл тув-лаввесум.
Назначены мне там в жертву рукава с серебром. („Сесь“). Хант. voh — деньги, металл (Ahl.[1]).

Ср. хант. šeš woj— маленькая красивая птичка (К. Маремьянин) = маньс. сесь.

4. **Кер лунги** — железная собака.

Слово loŋe — в значении бесхвостая собака — встречается в Ямальском говоре ненецкого языка (по сообщению А. П. Пыреркa).

5. **Юр** — мифическое животное.

В представлении диктора М. Албина и по данным сказок, записанных от него, юр — большой морской зверь. Например:

Вит хон вит юр сове маси. Юр хурил кер арпи сакватитэ.

Водяной царь надевает шкуру водяного юра. В образе юра разбивает железный запор.

По данным Б. Мункачи, лилинг юр, лилинг соссыл — два животных, часто фигурирующие в героических песнях и сказках. Соссыл — вероятно остяцкое название ящерицы.

У К. Рараj имеется сведение, что это название употребляется для ящерицы на шаманском бубне в верховьях Ваха (Vog. Nép. Gy, I, 219).

Ср. хант. jûr — водяной зверек, которого остяки считают священным (см. Patk.[2], I, VII, 1933).

6. **Товлынг сат, лаглынг сат** — семь крылатых, семь ногатых.

По сообщению диктора Д. Кукина, это семь божков, которым поклоняются Ляпинские маньси.

Сорахт толях пупыг ойка	— старик-божок вершины р. Кемпош.
Луски пупыг ойка	— старик-божок поселка Луски.
Лопм ус пупыг ойка	— старик-божок Ломбовожских юрт.
Месыг товлынг ойка	— крылатый старик поселка Месых.
Сакв толях ойка	— старик вершины р. Ляпина.
Нёр ойка	— уральский старик.
Хоранг павыл пупыг ойка	— старик-божок Хоранпаульских юрт.

7. **Товлынг Карс** — крылатая Карса (мифическая птица).

Ср. хант. toχtəŋ kārəs — птица в сказке (Paas.)

хант.-ирт. kârìs — мифическая птица (см. Patk.[2], I, VII).

8. **Тонт** — гость.

Употребляется параллельно слову муй — гость.

Муй махум, тонт махум хуньт ёхтумыт!

Когда это гости пришли!

В записях Мункачи встречается глагол от этой основы: тонтли (муйли) — гостить.

Ср. Тонтон ойка — имя сказочного героя, употребляющееся параллельно имени Усынг отыр ойка.

9. **Ингкам** — темно (?).

По мнению маньси А. И. Кукина, слово „ингкам" означает „темно".

В конд. диалекте „ингки" — темнеет.

В качестве примера приведем следующий сказочный оборот:

Пупыг ингкам, торум ингкам эт кон манарыг урегын?

Зачем ты стоишь на карауле в темную ночь Пупыг(а), в темную ночь торум(а).

10. **Сари** — истинный. В таком, например, выражении:

Сипе яктын сари улмын ат ювем — не идет ко мне истинный сон (не идет ко мне непробудный сон).

В живом языке слово „сари" означает лед, оставшийся на берегу после наводнения.

11. **Сат пальпа сянгкри патри пут** — котел с семью ушками для таяния наста.

В живом языке: сянгкр туйт — наст, патри туйт — тающий снег.

Вошедшие в состав композиции слова „сянгкри" и „патри" имеют сходство с отмеченными выше словами живого языка, но смысл их в композиции для маньси представляется неясным.

12. **Квалыг** — синоним „лянгх" (лях) — беседа. Например:

Лянгхе-квалге ат астыс, тув-тулыпавес.

Слово-речь его не закончилась, принесли ему туда (панцырь) (Vog. Nép. Gy, I, 119).

Мункачи предполагает, что в слове „квалыг" мы имеем дело с устаревшей маньсийской формой хантыйского слова kel — слово, весть (Vog. Nép. Gy, I, 254).

Наряду с квалыг слово лянгх тоже является архаизмом. В живом языке слову лянгх соответствует ляхал.

13. **Сангкамли** — творит (словом).

Элмхолас исынг торум, элмхолас нотынг торум сангкамтангкве эри.

Нужно сотворить эпоху древности человеческой, эпоху века человеческого (Vog. Nép. Gy, I, 128).

Ср. удм. kыlde (kыl слово + отыменный суффикс) — творит, создает; саам. К. saŋŋ" — слово, заговор. Saŋŋég'k — колдун, ворожея (по сообщению А. И. Емельянова).

14. **Хули ~ Холи** — благоденствует (живет в довольствии).

3 лицо единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения употребляется и в значении отглагольного имени: Эква, холи сёпитэн — жена, приготовь довольствие (пищу).

Хул ~ хол нередко видим в традиционных сказочных концовках. Например:

Ань та сюнет, хулэт оли — и теперь в счастии и в довольствии живет.

Та сюнянылт, та холанылт ань та олэгыт, ань та сюнегыт — в счастии своем, в довольствии своем и теперь живут, и теперь счастливы (Vog. Nép. Gy, I, 32).

15. **Лувынг сат, нёвлинг сат** — костяная неделя, мясная неделя. Например:

Лувынг сат кайсыт, нёвлинг сат кайсыт.

Костяную неделю шаманили, мясную неделю шаманили.

16. **Ялпынг сякв (ялпынг вит, улянг вит)** — название огненного наводнения, покрывшего мир.

Нуми торум ань тормен нонгх-хангхыс, ялпынг сякв таратас.

Нуми торум теперь на небо поднялся, потом спустил ялпынг сякв.

Некоторые замечания к разделу.

1) Оти — милый. Торум олнэ оти юрт — милый друг жизни.

Мункачи слово „оти" считает архаизмом. На самом деле оно встречается в живом языке:

оти кутю — милая собака;

оти катирись — милая кошечка.

2) рес ив (rēs jiw).

Мункачи это слово считает архаизмом. Возможно, что здесь имеем дело с ошибочно записанной формой rīs jiw — хрупкое дерево. То же самое подтверждает контекст мифологической песни, в котором это слово выступает:

Нэсс люльнэ рис ив титэ нирнэ ке тэлаве, нире восс няки; пумнэ ке тэлаве; пуме восс няки.

Корешок никому не нужного стоящего хрупкого деревца; тростником ли обрастет, тростник пусть потопчет она; травой ли обрастет, траву пусть потопчет она. (Перевод наш.) (См. Vog. Nép. Gy, I, 84.)

Анализ материала, изложенного в настоящем разделе, позволяет сделать некоторые выводы:

1. Специфическая лексика маньсийских сказок в подавляющем большинстве своем относится к области мифологии и религиозных верований и отражает в себе ушедшие в прошлое явления социальной жизни маньси. Она включает в себя имена героев — богов мифологической поэзии, названия их жилищ и мест обитания, названия священных птиц и зверей, термины, связанные с военным бытом прежних маньсийских князьков, элементы космического мировоззрения и проч. Часто встречающееся в сказках число семь (сат) несомненно является священным. Оно не только играет роль определения к различным объектам, персонажам и героям мифологической поэзии, но иногда имеет и самостоятельное мифологическое значение, как то: товлынг сат, лаглынг сат — семь крылатых, семь ногатых (священная семерица). Лувынг сат, нёвлинг сат — костяная неделя, мясная неделя.

2. Значительное количество архаизмов, из которых многие осмысляются с трудом или вовсе не осмысляются и объясняются лишь с помощью данных из других языков, дают возможность предполагать, что в них мы имеем дело с реликтами прежнего состояния маньсийского языка, независимо от того, являются ли они проникшими в древности из других языков или возникшими в древней маньсийской среде самостоятельно.

3. Выяснение приблизительного соотношения специфического и обыденного в словарном запасе маньсийских сказок свелось к подсчету количества архаических и общеупотребительных слов в пределах одной мифологической сказки. Подсчет дал следующие результаты (общее количество слов 1744):

а) если взять за единицу слова, встречающиеся в тексте данной сказки по нескольку раз, то количество архаических слов в общем числе обыденных составляет 8,1%; б) если взять слова в той же самой сказке независимо от того, сколько раз они встречаются, то соотношение архаических слов и обыденных выражается в 7,1%.

4. Архаическая лексика сказок уже и теперь, как несоответствующая мировоззрению молодого поколения манься, утратила для него всякое значение. В современных произведениях маньсийского фольклора место архаической лексики заменяет новая лексика, которая отражает в себе сдвиги в социалистической экономике, культуре и сознании трудящихся масс маньси.

III. МОРФОЛОГИЯ

В морфологическом отношении отдельные диалекты маньсийского языка, и, в частности, сосьвинский диалект, изучены сравнительно полнее, чем, например, диалекты хантыйского языка. Морфологии маньсийского языка посвящена серия работ Б. Мункачи под общим заголовком A vogul nyelvjárások szóragozása. К одной из этих работ (Éjszaki vogul nyelvjárás, NyK, XXI, 1890) мы и отсылаем читателя для общего ознакомления с вопросами морфологии маньсийского языка.[1] Здесь же остановимся только на морфологических своеобразиях, свойственных сказочному языку.

Язык маньсийских сказок морфологически очень близок к живому разговорному языку маньси. Однако, в языке сказок сохранилось известное количество таких морфологических явлений, которые с точки зрения живого языка тоже являются архаизмами. Чаще всего морфологические архаизмы встречаются в фольклорных текстах Мункачи, записанных около пятидесяти лет тому назад. Добытые нами результаты в процессе выявления морфологических архаизмов в значительной своей части совпадают с теми устаревшими и более характерными для поэтического языка морфологическими явлениями, которые были отмечены и у Мункачи.

Морфологические архаизмы, встретившиеся нам в языке сказок, следующие:

1. Особая форма для личных местоимений 1 лица двойственного и множественного числа.

---

[1] На русском языке имеется грамматический очерк маньсийского языка В. Н. Чернецова.

а) меги — мы (дв. ч.).

Касе нупыл ляхали: „Меги, Тур халэв кит отыр, Ас халэв кит отыр, хайтнэ лув хуринг усмен, миннэ лув хуринг усмен керил ив вос варнувламен“.

Говорит своему брату: „Мы, Озерные чайки два богатыря, Обские чайки два богатыря, сделаем-ка остроконечный частокол к нашему городу с фигурой бегущей лошади, к нашему городу с фигурой идущей лошади“.

Эква-пырись мегинамен лапластэ — Эква-пырись нас обманул.

б) Маги — мы (мн. ч.).

Маги ти колув, сат отыр, нох-алмунгкве ат вермев. Мы, семь богатырей, не можем приподнять наш дом.

В живой речи вместо меги имеем мен; вместо маги — ман. В говоре обских маньси отмеченные формы совершенно не встречаются.

Примечание. На то же самое обращает внимание и Мункачи: в поэтическом языке мы встречаем также такую форму местоимения для мен (мы двое) как мегыг, равным образом для ман (мы) — маыг (NyK, XXI, 333).

2. Архаическая форма послеслога ёт — вместе, с (см. Vog. Nép. Gy, IV, 337).

а) Хон юртыл потыртэгыт — вместе с царем разговаривают.

б) Тав манрыг нанг юртлын паг ат квалыс?
Почему он вместе с тобой не пришел в город?

в) Менки юртлымен тэн айнэ мамент восс тэг, восс аи.
За нашим столом вместе с нами пусть ест, пусть пьет.

г) Лянгхыл потыртимен акв юртыл.
Поведем друг с другом разговор и проч.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что современный послеслог „ёт“ — в сказке „юртыл“ — имел когда то более тесную связь, чем теперь, с лежавшим в основе его словом юрт — товарищ, друг.

3. Форма отглагольного имени на — и, используемая современным языком только в качестве изъяв. накл. 3 л. ед. ч. наст. вр. (ср. NyK, XXI, 364).

а) Ман кант ури кантынг номтыл ёмегын?
С какою гнев лелеющею гневною мыслью ты ходишь?

б) Ман кант ури кантынг номтыл, лав, ури лавынг номтыл ялэгын? (Ури — стережет).

С какою гнев лелеющею гневною мыслью, злобу лелеющею злобною мыслью ты ходишь?

в) Эква, холи сёпитэн — Жена, приготовь довольствие (холи — живет в довольствии).

г) Акв ампынг хорти суйти — Слышен собачий лай (хорти — лает).

В фольклорных произведениях, записанных Мункачи, указанная форма распространена шире. Например:

д) Юнтуп пуги ури най — держащая иголку ожидающая женщина (Vog. Nép. Gy, IV, 425);

е) Кис ёнгхи сат торум — семь небес, вращающихся подобно обручу (Vog. Nép. Gy, II, 331);

ж) Тэрын хайти сат лёнгх — семь дорог, по которым бегает болезнь (Vog. Nép. Gy, II, 333);

з) Толи ёнгхуп — ущербляющийся месяц (букв.: тающий) и проч. (Vog. Nép. Gy, II, 48).

4. Отглагольные имена.

а) На суффикс -п, -па:

1) Минпа — идущий, летящий; мини — идет.

Нумыл минпа товлынг Калм — вверху летающий крылатый Калм (Vog. Nép. Gy, I, 105).

Ёлыл минпа лаглынг уй — внизу ходящий ногатый зверь (Vog. Nép. Gy, I, 107).

2) Унлуп — сидящий; унли — сидит.

...унлупыг тох ти емтыс — так и установилась (земля) (букв.: сидящей стала) (Vog. Nép. Gy, I, 129).

3) Кумрип — грохочущий; кумри — грохочет.

Тарынг ёвт кумрип — производящий шум корневым луком.

4) Варп — делающий; вари — делает.

Тан варп эква — женщина, делающая нитки.

б) На суффикс -нг: [1]

1) яланг — летающий, ходящий; яли — летает, ходит. Лонхыт ялантан яланг номс — мысль с полетом летающих Лонгх(ов).

2) люлинг — высота; люли — стоит. Хайтнэ лув люлинг ус — город высотой с бегущую лошадь. Хар лагыл люлинг сун — нарта высотой в ногу быка.

Примечание. Устаревший в простонародном языке словообразовательный суффикс причастия наст. вр. -п, -па (см. NyK, XXI, 364) еще в период пребывания Мункачи у маньси теперь окончательно архаизиро-

---

[1] По данным Мункачи, форма отглагольного имени на суффиксы -нг, -инг, -ынг встречается в языке песен (NyK, XXI, 366).

вался и стал совершенно чуждым словообразовательному процессу современного маньсийского языка.

5. Не совсем ясное для нас окончание „н“ с предшествующим ему гласным „е“ в некоторых словах, которые по смыслу хотелось бы признать поссессивными образованиями. Мункачи точно также останавливает внимание на этом окончании. Находит он его в песнях и считает не имеющим значения добавлением, необходимым для музыкальной ритмики (см. Vog. Nép. Gy, I, XLIX). Например:

а) Нёхсэн пун, воен пун кол юрт отыр. Богатырь уютного уголка с мехами соболиными, с мехами звериными;
б) Вотла хуен сэвп сат отыр. Семь богатырей с косами лесного человека.

Аналогичное явление наблюдается в фольклоре ханты. Например:

а) milin hu — человек с шапкой (Маремьянин);
б) talən hatl — в один зимний день;
в) luŋən hatl — в летний день (см. Schütz József, Az északi-osztjak szóképés, стр. 33).

Таким образом, сравнительно с лексикой, в морфологическом отношении язык сказок обладает меньшим своеобразием. Количество архаических морфологических явлений, встретившихся нам в текстах сказок, невелико и ограничивается лишь приведенными выше примерами.

IV. СИНТАКСИС

В синтаксическом отношении маньсийский язык почти совершенно не исследован. В лингвистических трудах венгерских и финских ученых можно указать только одну работу, специально посвященную этому вопросу, — Löcsei Antal — Északi vogul mondattani kérdések.[1] Написана она главным образом на материале фольклорного сборника Мункачи, круг поставленных в ней вопросов ограничивается лишь рассмотрением видов простого предложения. Поэтому для выяснения специфики синтаксиса сказок нам пришлось основываться исключительно на своих наблюдениях, сделанных нами на собственном материале, использовав также указания Е. Е. и Е. В. Мониных, данные ими на основе непосредственной чуткости их в области своего родного языка. В результате проделанной работы выяснилось, что синтаксис сказок почти полностью совпадает с синтаксисом обыденной речи. Типы предложений, управление и согласование членов внутри предложения являются общими для сказочного и обыденного языка. Единственные исключения из общепринятых норм, которые удалось обнаружить на материале сказок, сводятся: 1) к инверсии членов предложения, 2) к более громоздким конструкциям предложений, основанных на параллелизме. Рассмотрим оба случая.

1) Инверсия, т. е. отступающий от обычного расположения порядок слов, в данном случае характеризуется постановкой определяемого на месте определения. Например:

а) Обычный порядок слов	Сат хотал олсум. Семь дней жил.
Инверсия	Этэ сат, хоталэ сат олыс. Ночей семь, дней семь жил.

[1] NyK, XLVII, 2 füzet, 1929; NyK, XLVII, 3 füzet, 1930.

б) Обычный порядок слов { Сат тал, сат тув ропитас.
Семь зим, семь лет работал.

Инверсия { Талэ сат ялсыт, тувэ сат ялсыт.
Зим семь ходили, лет семь ходили.
Талэ сат олэыг, туве сат олэыг.
Зим семь живут, лет семь живут.

2) Громоздкие конструкции предложений. Например:

а) Тур халэв, Ас халэв войкан отыр, нам тотнэ намынг отыр, суй тотнэ суинг отыр, нам тотнэ намынг усэнт, суй тотнэ суинг усэнт ань та сюни, ань та хули.

Озерная чайка, Обская чайка белый богатырь, с славным именем именитый богатырь, с громкой славой славный богатырь, с славным именем в именитом городе их, с громкой славой в славном городе их и теперь счастлив, и теперь благоденствует.

б) Нуми торум асюм, Нуми торум ягум! Анум эрыг тотунгквэ ке лавсын, мойт тотунгкве ке лавсын, холит нох-квалкемт та хурип кол вос унтхати, акв сорнитэ ёл вос вагли, акв сорнитэ нох вос хангхи, нёхс хантал, уй хантал акв соль ул вос оли.

Нуми торум, батюшка мой, Нуми торум, отец мой! Если судил ты мне быть славимым в песнях, если судил ты мне быть славимым в сказках, завтра (когда я буду вставать) пусть воздвигнется такой дом, по одной (стороне) золото вниз пусть течет, по другой (стороне) золото вверх пусть поднимается, ни одного гвоздя пусть не будет, где не висела бы шкурка соболя, где не висела бы шкурка зверя.

Если громоздкие конструкции предложений, основанные на параллелизме, рассмотрим с синтаксической точки зрения, то увидим, что они по своему строю соответствуют предложениям из живой речи.

Для уяснения этого сначала возьмем несколько более коротких предложений того же самого характера.

а) Эквыг ойкаыг олэыг тэнкетэн ма самт, тэнкетэн вит самт.

Старик со старухой живут в одиночестве в земных пределах, в одиночестве в водных пределах.

б) Ман кант ури кантынг номтыл, лав ури лавынг номтыл ялэгын.

С какою гнев лелеющею гневною мыслью, злобу лелеющею злобною мыслью ты ходишь.

Первое предложение является слитным с двумя обстоятельствами места. Подобный тип предложений свойственен и живой речи. Например, в ответе на вопрос:

Нанг ти тал хот олсын? — Ты в этом году где жил?
Ам ти тал Аньят, Сортынгьят олсум. — Я в этом году в Анееве, в Сартынье жил.

Второе предложение — слитное с двумя косвенными дополнениями, оформленными суффиксом инструментального падежа в значении совместности. Такой тип предложений тоже свойственен живой речи. Например, в ответе на вопрос:

Нанг хотьют ёт ялсын? — Ты с кем ездил?
Асюмтыл, санюмтыл ясум. — Со своим отцом, со своей матерью ездил.

Аналогичные сопоставления можно было бы увеличить. Но уже и приведенные примеры с достаточной ясностью говорят о сходстве в синтаксическом отношении предложений, основанных на параллелизме, с предложениями из живой речи.

Отсюда следует, что такого рода предложения, как два первых (кстати, в сказках встречающиеся сравнительно редко), в которых громоздкость конструкций выражена наиболее ярко, отличаются от предложений из живой речи не по существу, а по степени насыщенности параллелизмами. Так, например, в основе первого громоздкого по своей конструкции предложения (см. стр. 52, „а“) лежит обычное для живой речи простое распространенное предложение: Отыр усыт оли — богатырь живет в городе, — которое благодаря параллелизмам и изобразительным средствам художественного стиля (описательным эпитетам, состоящим из нескольких слов: нам тотнэ намынг, суй тотнэ суинг — с славимым именем именитый, с громкой славой славный) приобретает более усложненную конструктивную форму.

Различие между предложениями сказки и аналогичными по типу предложениями живой речи следует усматривать не в принципе синтаксического строя, а в форме изложения фактов и явлений, выражаемых в этих предложениях.

Если в живом языке, например в слитных предложениях, однородные члены могут характеризовать различные по своему содержанию факты и явления, то в подобных предложениях сказочной речи они выражают одно и то же понятие (гневная мысль ~ злобная мысль, см. выше, стр. 52, „б“) или же близкие понятия (земные пределы, водные пределы, см. выше, стр. 52, „а“), параллельно связанные

между собой по принципу аналогии.[1] Поэтому, предложения, основанные на параллелизме, представляют интерес не с синтаксической стороны, а со стороны художественных приемов фольклорного стиля. Рассмотрение их мы и переносим в следующий раздел о художественных явлениях языка маньсийских сказок.

---

[1] Подробнее об этом см. в следующей главе — Параллелизм.

V. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

1. ПАРАЛЛЕЛИЗМ

Параллелизм, то-есть передача одной и той же мысли двумя параллельно стоящими выражениями, в той или иной мере отличными одно от другого по форме, является важнейшей особенностью художественного стиля маньсийского фольклора.

В этом отношении маньсийский фольклор можно сопоставлять с финско-карельской поэзией, где параллелизм также играет весьма важную роль. Но маньсийский параллелизм имеет свою специфическую особенность. В финско-карельском параллелизме та и другая половина его не имеют ничего общего по форме. В маньсийском параллелизме они отличаются одна от другой только одним или двумя словами, все остальные слова второй половины являются повторением слов первой половины, например:

Финско-карельский параллелизм

1. Piti viikosta vihoa — Носил долгую ненависть,
2. Kaukausta ylenkatsetta... — Длительное презрение...[1]

Маньсийский параллелизм

1. *Най* усын нэгли — Является в *геройский* город,
2. *Отыр* усын нэгли — Является в *богатырский* город.

[1] W. Steinitz Parallelismus in der finnisch-karelische Volksdichtung, Helsinki, 1934 г.

Таким образом маньсийский параллелизм в сравнении с финско-карельским представляется менее развитым и образует наиболее раннюю ступень в развитии параллелизма вообще.

Маньсийский параллелизм, как и финский, двух видов: синонимный и аналогичный. В синонимном параллелизме отличаемые слова той или другой половины его являются синонимами, взаимная близость которых по смыслу может быть весьма различной:

1. Торум ус, хон ус янит акв кол оли.

Стоит один дом величиной с *божий* город, с *царский* город.

Слова: божий ~ царский являются синонимами, потому что выражают одно и то же понятие—священный.

2. Сорнинг вас, сорнинг лунт хурил лувэ сисын исыс.

Спустился на спину лошади в образе золотой *утки*, золотого *гуся*.

Отличаемые слова: утка ~ гусь — синонимы, так как выражают понятие—водной птицы.

3. Кер кол, ахтас кол унли.

Стоит *железный* дом, *каменный* дом.

Железный ~ каменный имеют одно значение — прочный.

Особенно своеобразным является параллелизм, отличаемыми словами которого являются числительные. Например:

4. Сат хар хайтум тэпынг Асн, хот хар хайтум тэпынг Асн лаввесум.

Определен я на питательную Обь с *семью* бегающими быками, на питательную Обь с *шестью* бегающими быками.

5. Эква-пырись, нанг сат мутран, хот мутран хотёлимтаве.

Эква-пырись, разве можно побороть твои *семь* мудростей, твои *шесть* мудростей.

Семь ~ шесть имеют значение бесконечного количества, и потому они синонимы.

К синонимным параллелизмам следует отнести и такие, в которых одно из отличаемых слов представляет простую фонетическую вариацию другого. Например:

6. Наинг хон ке ёлимтэгын, та порат уля-виттал унлуптан аги тинтал-тантал нангын унттилум.

Если победишь ты Огненного царя, поставлю тебе даром — без цены дочь, посаженную (в доме) без огня — без воды.

Тантал—фонетическая вариация слова тинтал—даром.

7. Пангк нуса хум, пунгк нуса хум.

Грязный бедняк, запачканный бедняк.

Пунгк — фонетическая вариация слова пангк — грязь.

Приведем дополнительно список параллелизмов, которые наиболее часто встречаются в маньсийских сказках.

1. Молал кит отыр юв-иссыг: ёр тотнэ ёр отырыг, ваг тотнэ вагынг отырыг.

Тогда два богатыря домой шли: силой славящиеся сильные богатыри, мощью славящиеся мощные богатыри.

2. Хотыл ёхтум най хум, хотыл ёхтум отыр хум.

Откуда пришел герой, откуда пришел богатырь.

3. Вот ман хурип най вапс, отыр вапс хонтсын.

Вот какого нашел ты зятя-героя, зятя-богатыря.

4. Такви унлын наинг матэн, такви унлын отрынг матэн ёхтысыг.

Пришли они в обитаемую им геройскую землю, в обитаемую им богатырскую землю.

5. Тыг-нэглысыт нёлолу хум: акв карситыт, акв янитыт.

Сюда появились восемь человек: одной высоты, одной величины.

6. Нэнан миннэ харанг анас, уинг анас сёпитэгум.

Снаряжаю я вам в дорогу олений обоз, звериный обоз.

7. Ман тэлм лув тэлыс, ман тэлм уй-тэлыс.

То ли лошадь явилась, то ли зверь явился.

8. Нёхс сахитэ маси, уй сахитэ маси.

Надевает соболиную шубу, надевает звериную шубу.

9. Холнэмэн, уснэмен мус та тотсын.

И принес ты (всего) до нашего исчезновения, до нашей гибели (т. е. до самой смерти).

10. Эй, апыкве, хосан хуйме, хосан улме хосан та хуямын.

Ей, внучек, долго лежа, долго спя, долго же ты пролежал.

11. Люньсим, сисхим налув мини.

Плача, рыдая идет к реке.

12. Люньсим, тистим та унли.

Плача, горюя сидит.

13. Апге нелмтал унли, суптал унли.

Племянник его сидит без слов, сидит без речи.

14. Олиматэн, хулиматэн акв-эква витн минас.

Когда они так жили, благоденствовали (жили-поживали), бабушка пошла за водой.

15. Нанг ман тотн уин тотвесын, ман алмын уин алмувесын?

Каким носящим зверем принесен ты, каким поднимающим зверем поднят ты?

16. Войкан витуп тэпынг сярысь, войкан витуп хулынг сярысь кер квалыг толяхт ханнэ усныл сат отыр ювыт.

Идут семь богатырей из города, висящего на конце цепи беловодного питательного моря, беловодного рыбного моря.

17. Хон аги масхатас, пинхатас.

Царская дочь оделась, снарядилась.

18. Кит нял ке мини, кит хум хояве. Кит нял ке мини, кит хум сакватаве.

Если полетят две стрелы, двух человек сносит. Если полетят две стрелы, двух человек разбивает.

19. Ман тормув, ман хонув ёхтыс

Наш бог, наш царь приехал!

20. Ам унлын хон ёлумн, ам унлын торум ёлумн, Эква-пырись, нанг унтэн хоныг.

Эква-пырись, садись ты царем на мой царский трон, на мой божий трон.

В аналогичном параллелизме отличаемые слова той и другой половины его выражают понятия совершенно различные, очень часто даже противоположные, которые в общей связи с другими словами дают, однако, представление о явлениях аналогичного характера. Например:

1. Ела-патнэ султме ёла-ратитэ, нэха-миннэ султме ёла-ратитэ.

Вниз падающие искры вниз бьет, *вверх* летящие искры вниз бьет.

Вниз или вверх летят искры, действие над ними производится одно и то же.

2. Хоса минас, вати минас.
   Долго шел, *коротко* шел.

Долго ли, коротко ли... — действие было одно и то же.

3. Сярысь лонгхаль сунси, сярысь алгаль сунси.
   Вниз по морю смотрит, *вверх* по морю смотрит.
4. Колэ тамле—акв сорни ёлаль ови, акв сорни нонгхаль хангхи.

   Такой дом—по одной стороне его золото *вниз* течет, по другой стороне его золото *вверх* поднимается.
5. Тыг ат нёвымти, тув ат нёвымти.
   Сюда не шелохнется, *туда* не шелохнется.
6. Талква ив толяхн лапеыг, карс ив котльн лапеыг.
   Взлетают до *вершины низкого* дерева, взлетают до *середины высокого* дерева.
7. Мань ягагияныл — нэглын хотал сагпа нэ, унтнэ хотал сагпа нэ.

   Их младшая сестра — женщина с волосами *восходящего* солнца, женщина с волосами *заходящего* солнца.

Приводим список аналогичных параллелизмов, замеченных нами при чтении сказок.

1. Нялэ вис, ёвтэ вис.
   Взял стрелу, взял лук.
2. Таре хумле олыс, тове хумле олыс — хот-вистэ.
   Как были его корни, как были его ветви,—так и взял.
3. Хап хоплынг суй сумылас,
   Туп хоплынг суй сумылас.
   Послышался хлопающий звук лодок,
   Послышался хлопающий звук весел.
4. Тох олиматэн элмхолас исынг торум, элмхолас нотынг торум тэлыс.
   Так, когда он жил, настала древняя эпоха человеческая, вечная эпоха человеческая.
5. Тэнут ке ат осьсыт, тэнутыл мисанэ.
   Маснут ке ат осьсыт, маснутыл мисанэ.
   Если не было у них пищи, дал пищу.
   Если не было у них одежды, дал одежду.
6. Акв кол самын хилхатас, супыг сов вис.
   Акв кол самын хилхатас, ус сов вис.

В одном углу дома порылся, взял шкуру осетра.
В другом углу дома порылся, взял шкуру нельмы.

7. Акв пал вангнэн Эква-пырись унти.
Акв нав вангнэн асе унти.
У одного плеча ее садится Эква-пырись.
У другого плеча ее садится ее отец.

8. Хоталь пунгке олыс, хоталь сипе олыс, — тувле минас.
Куда была его голова, куда была его шея, — туда и пошел.

9. Луве мортыс, нёвле мортыс.
Впору его костям, впору его мясу.

10. Нанг катн инг вагтал, лаглын инг вагтал.
Руки твои еще бессильны, ноги твои еще бессильны.

11. Мен, сат талыг, сат тувыг емтыс, агимен кисхатимен.
Исполнилось семь лет, семь зим, как мы разыскиваем нашу дочь.

12. Сат хотал тит олсумен, сат эт тит олсумен.
Жили мы здесь семь дней, жили мы здесь семь ночей.

13. Нох-яныгман элмхолас акв хурип ман хунь ёхти, акв хурип витн хунь ёхти.
Растущий человек когда приходит к одной и той же земле, когда приходит к одной и той же воде.

14. Та хурип кол унтхатам, лаглэ — нарыгти — регынг ман хои, катэ нарыгти—регынг ман хои.
Такой дом появился: ноги свои протянет — в теплое место попадает, руки свои протянет — в теплое место попадает.

15. Хоса ма им катув, хоса ма им лаглув нюсгалалэв.
Пораспр авим наши руки, прошедшие далекую землю, пораспр авим наши ноги, прошедшие далекую землю.

16. Сун ровит я нёлн тув хоегыт, хап ровит я нёлн тув-похтэгыт.
Пристают к речному мысу, удобному для нарт, подчаливают к речному мысу, удобному для лодок.

17. Яг нур, ангкв нур тотунгкве ёхтысамен.
Пришли мы мстить за отца и мать.

18. Сис нёвлил петвесыг, магыл нёвлил петвесыг.

Накрошили им спинного мяса, накрошили им грудного мяса.

19. Кат ярумна ке патэгын, лагыл ярумна ке патэгын, анум номылматэн.

Если попадешь с руками в беду, если попадешь с ногами в беду, вспомни меня.

20. Катынг осьмар варегыт, лаглынг осьмар варегыт.

Выделывают ручные хитрости, выделывают ножные хитрости (пляшут).

21. Песя хансанг, нярме хансанг уй. Этпос хансанг, хотал хансанг уй.

Зверь с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками. Зверь с узорами месяца, с узорами солнца.

22. Луве хайтнэ тул нум палын лапыс, миннэ тул нум палын лапыс.

Лошадь его поднялась выше бегущих облаков, выше идущих облаков.

23. Лувынг сат муйлысыт, нёвлинг сат муйлысыт.

Прогостили они костяную неделю, прогостили они мясную неделю.

24. Пыкве, урынг пал, ворынг пал ман ялэгын.

Сынок, ходишь ты в землю горной стороны, лесной стороны.

25. Хоса ма, хоса вит ялум хум ёхтыс.

Пришел человек, ходивший по дальней земле, по дальней воде.

26. Хоса олсыг, вати олсыг тэнкетэн ма самт, тэнкетэн вит самт.

Долго жили, коротко жили одиноко в земных пределах, одиноко в водных пределах.

27. Савынг сахип, савынг нярап сав хумитэ лунт алэгыт, вас алэгыт.

Многочисленные мужчины его в шубах с нуждою, в нярах с нуждою добывают гусей, добывают уток.

28. Нялынг хонтын, ёвтынг хонтын ёхтувесум.

Пришло ко мне войско со стрелами, войско с луками.

29. Аквен санынг тэпыл, ачинг тэпыл титтувес.

Накормила его бабушка пищей из чумана, пищей из блюда.

30. Акв лаглуп сат румкан сор вит пиныстэ, маг вит пиныстэ.

В семь рюмок на одной ножке налил пива, налил меду.

31. Аги сапе налув нартим, пыг сапе налув нартим.

Девичий прах в реку сметен, молодецкий прах в реку сметен.

32. Люлитэ сорнинг олныл сосаве, сялыг олныл сосаве.

В ее высоту засыпают золотыми деньгами, засыпают серебряными деньгами.

33. Хапен сэмыл уил, выгыр уил упанэн таглэ талтувес.

Тестева родня нагрузила их лодку доверху черным зверем, красным зверем.

34. Вит хул алнэ матэ, вор уй алнэ матэ воянтэгыт.

Защищают они места для промысла рыбы, места для промысла зверя.

35. Эрыг тотнэ хум, мойт тотнэ хум нох та патсын.

В песнях прославляемый человек, в сказках прославляемый человек, ты взял верх (победил).

36. Эрыг тотнэ хум, мойт тотнэ хум такем ёр, такем мутранг.

В песнях прославляемый человек, в сказках прославляемый человек такой сильный, такой мудрый.

37. Акв ёвт овлэн касэв тагматам, акв ёвт овлэн тур хул тагматам.

На один конец лука зацепил серогу, на другой конец лука зацепил карася.

38. Эква-пырись хон аги ёт аниглахтэыг, сипыхатэыг.

Эква-пырись с царской дочерью целуются, обнимаются.

39. Тэнэ кони — пал тэсум, айнэ кони — пал айсум.

Еды поел я до отвалу, напитков попил я до отвалу.

40. Павылт суйтнэ яныг пури варсыт, усыт суйтнэ яныг пури варсыт.

Сделали большой пир на весь город, сделали большую свадьбу на всю деревню.

41. Вовта ярмакыл, вовта нуил масхатас.

Оделась она в тонкий шелк, в тонкое сукно.

Приведенные примеры показывают, что один параллелизм в предложении является наиболее типичным для стиля сказок. Однако нередко встречаются в предложении и два параллелизма. Например:

1. Два синонимных:

Торум колт, хон колт ань та сюне-хулэт Эква-пырись оли.

В божьем доме, в царском доме и теперь в счастии-благополучии живет Эква-пырись.

2. Два аналогичных:

Яныг ойка пунгке — юсвой пити посьгима.
Яныг эква пунгке — тур вой пити посьгима.

Голова старика — вылепленное орлиное гнездо.
Голова старухи — вылепленное озерной птицы гнездо.

3. Синонимный и аналогичный:

Такви наинг усэныл, такви отрынг усэныл хотыл хайтнэ нэ, хайтнэ хум тувыл хайти.

Из его собственного геройского города, из его собственного богатырского города, отовсюду бежит бегущая женщина, бегущий мужчина.

Предложения же с большим количеством параллелизмов встречаются сравнительно редко и образуют те громоздкие конструкции предложений, о которых говорилось в разделе синтаксиса как о явлениях, свойственных исключительно языку фольклора.

Такова общая характеристика маньсийского параллелизма, рассмотренного нами, главным образом, с точки зрения его содержания. Намеченные на основе этого виды синонимного и аналогичного параллелизмов являются лишь предварительной классификацией их, ибо углубление этого вопроса, путем привлечения более разностороннего материала, должно стать темой специального исследования.

Теперь остается сказать о формальном, т. е. о грамматическом соответствии параллельно связанных между собою частей параллелизма.

Формальные связи внутри маньсийского параллелизма, ввиду повторяемости во второй его половине всех слов первой, за исключением одного или двух, чрезвычайно просты и не требуют подробного анализа. Картина грамматического соответствия параллельно связанных между собой частей параллелизма достаточно выясняется при синтаксической классификации параллелизмов, группируемых на основе различия членов предложения, посредством которых одна часть параллелизма отличается от другой. Для анализа возьмем по одному примеру для каждой такой группы параллелизмов.

1. Определение.

Такви унлын наинг матэн, такви унлын отрынг матэн ёхтысыг.

Пришли они в обитаемую им геройскую землю, в обитаемую им богатырскую землю.

Отличаемые слова в параллелизме наинг — геройская и отрынг — богатырская — определения (поссессивные имена на суффикс -нг).

2. Дополнение.

а) Косвенное:

Вовта ярмакыл, вовта нуил масхатас.
Оделась она тонким шелком, тонким сукном.

Отличаемые слова в параллелизме ярмакыл — шелком и нуил — сукном — косвенные дополнения, выраженные именами существительными в инструментальном падеже.

б) Прямое:

Нялэ вис, ёвтэ вис.
Взял стрелу, взял лук.

Отличаемые слова в параллелизме нялэ — стрела и ёвтэ — лук — прямые дополнения (имена существительные единственного числа в основном падеже).

3. Подлежащее.

Ман тэлм лув тэлыс, ман тэлм уй тэлыс.
То ли лошадь явилась, то ли зверь явился.

Отличаемые слова в параллелизме лув — лошадь и уй — зверь — подлежащие (имена существительные ед. ч.)

4. Обстоятельство.

а) Места:

Сярысь лонгхаль сунси, сярысь алгаль сунси.
Вниз по морю смотрит, вверх по морю смотрит.

Отличаемые слова в параллелизме лонгхаль — вниз (по течению) и алгаль — вверх (по течению) — обстоятельства места (наречия места).

б) Времени:

Хоса олсыт, вати олсыт.
Долго жили, коротко жили.

Отличаемые слова в параллелизме хоса — долго и вати — коротко — обстоятельства времени (наречия времени).

в) Образа действия:

Люньсим, сисхим налув мини.
Плача, рыдая к реке идет.

Отличаемые слова в параллелизме люньсим — плача и сисхим — рыдая — обстоятельства образа действия (отглагольные имена на суффикс -им в значении деепричастия).

5. Сказуемое.

Эква-пырись хон аги ёт аниглахтэыг, сипыхатэыг.
Эква-пырись с царской дочерью целуются, обнимаются.

Отличаемые слова в параллелизме аниглахтэыг — целуются и сипыхатэыг — обнимаются — сказуемые (глаголы наст. вр. 3 л. дв. числа изъяв. накл.).

2. РИТМИКА

Мы имели возможность наблюдать два вида взаимоотношений стихотворной и прозаической речи в сказках.

Первый вид: выдержанная ритмованная речь, не нарушаемая вклинивающимися прозаическими отрывками. В данном случае соотношение стиха и прозы будет более внешнее: после стихотворных отрезков следует чистая проза и наоборот. Например:

1. Хоса ма | хосаыг | минасыт, |
Вати ма | ватииг | минасыт. |
Длинную землю долго шли,
Короткую землю коротко шли

(параллельное чередование трехстопных стихов).

2. Нам тотнэ | намынг | отыр |
Юи — | палн | люлис. |
Суй тотнэ | суинг | отыр |
Юи — | палн | люлис. |
Встала она позади
Именитого богатыря с славным именем.
Встала она позади
Славного богатыря с громкой славой.

Имеем перекрестное чередование трехстопных стихов.

3. Акв овлэн | пиныстэ | нэ касай, |
Акв овлэн | пиныстэ | хум касай. |
На один конец положил(а) женский нож,
На другой конец положил(а) мужской нож.

Параллельное чередование трехстопных стихов.

Второй вид: ритм нарушается прозаическими отрывками. Здесь отношение стиха и прозы более внутреннего характера, так как проза вклинивается в стихотворную речь. Например:

1. Элмхолас | исынг | торум | тэли, |
   Элмхолас | нотынг | торум | тэли, |
   Нанг олиман элмхолас яныгмам вармаль атим.
      Настанет древняя человеческая эпоха,
      Настанет вечная человеческая эпоха,
      При твоем существовании (тогда) не будет возможен прирост человека.
2. Нуми | торум | асюм, |
   Нуми | торум | ягум.
   Ам латхум хулнувлын ке?!
      Войкан | витуп | тэпынг | сярысь, |
      Войкан | витуп | хулынг | сярысь |
   Эт хулнэ янгкын вос полигланувен.
   Нуми торум, батюшка мой,
   Нуми торум, отец мой.
      О, если-бы ты услышал мои слова?! Пока спит ночью беловодное питательное море, беловодное рыбное море, пусть бы покрылся ты льдом.

3. АЛЛИТЕРАЦИЯ

Аллитерация, то-есть употребление слов с одинаковыми начальными согласными, в маньсийских сказках большею частью встречается в связи с параллелизмом. Случаи появления аллитерации вне связи с параллелизмом бывают реже.

I. Аллитерация, связанная с параллелизмом

1. Совпадение начальных согласных

Хап хоплынг суй сумылас,
Туп хоплынг суй сумылас.
   Послышался звук стука лодок,
   Послышался звук стука весел.
Войкан витуп тэпынг сярысь,
Войкан витуп хулынг сярысь.
   Беловодное питательное море,
   Беловодное рыбное море.
Эй, апыкве, хосан хуйнэ, хосан улме хосан та хуямын!
   Эй, внучек, долго лежа, долго спя, долго ты пролежал!

Этпос хансанг, хотал хансанг уй.
Зверь с узором месяца, с узором солнца.
Тинтал — тантал...
Без цены — даром...

2. Кроме начальных согласных совпадают следующие за ними гласные

Сат хар хайтум тэпынг Асн,
Хот хар хайтум тэпынг Асн.
Питательная Обь с семью бегающими быками,
Питательная Обь с шестью бегающими быками.
Лов ломтынг лэпта нумыл лэпти,
Лов ломтуп ломтынг осма пини...
Накрывает одеяло из десяти лоскутов,
Кладет лоскутную подушку из десяти лоскутов...
Савынг сахип сав хумитэ,
Савынг нярап сав нэтэ.
Многочисленные мужчины его в шубах с нуждою,
Многочисленные женщины его в нярах с нуждою.
Санынг тэп тэм матэныл астыс,
Анинг тэп тэм матэныл астыс.
Кончил есть пищу из чумана,
Кончил есть пищу из чашки.

II. Аллитерация без параллелизма

Сорни сагпа сагынг хотал.
Волосатое солнце с золотыми волосами.
Эква-пырись, та янит яныг ёмас варен!
Эква-пырись, сделай такую великую милость!
Акв сунтуп сат Ас сунт...
Устье семи Обей с одним устьем...
Агитэ сагаге саги.
Девица заплетает косы.

4. ЭПИТЕТЫ

Для художественного языка маньсийских сказок характерны следующие виды эпитетов:

1. Эпитет состоит из одного слова

1. Хапынг я — лодочная река (река с лодками);
тупынг я — весельная река (река с веслами).

2. Урынг пал — горная сторона;
ворынг пал — лесная сторона.
3. Сюнинг ма — счастливая земля.
4. Кантынг ма — сердитое место;
лавынг ма — злобное место.
5. Кантынг номт — сердитая мысль;
лавынг номт — злобная мысль.
6. Нэнг сам — женский край;
хуминг сам — мужской край.
7. Агинг павыл — девичий поселок;
пыгынг павыл — молодецкий поселок.
8. Сорнинг пасан — золотой стол.
9. Хайтнэ тул — бегущие облака;
миннэ тул — идущие облака.
10. Нёхс сахи — соболиная шуба;
уй сахи — звериная шуба.
11. Намынг отыр — именитый богатырь;
суинг отыр — славный богатырь.
12. Хуринг нэ — красивая женщина.
13. Аньтынг уй — рогатый зверь;
тонгхынг уй — копытный зверь.
14. Нёлынг хул — носатая рыба;
тахынг хул — плавниковая рыба (с плавниками).
15. Товлынг лув — крылатая лошадь;
хансанг лув — пестрая лошадь.
16. Сэмыл уй — черный зверь;
выгыр уй — красный зверь.
17. Сорынг тэп — пивная еда;
магынг тэп — медовая еда.
18. Анинг тэп — чашечная еда;
санынг тэп — чуманная еда.
19. Ас тэп — обская пища;
тур тэп — озерная пища
и проч.

Очень часто эпитеты ставятся рядом, в чем во многих случаях легко обнаруживается сокращенная форма параллелизма. Например:

1. Хапынг, тупынг я — лодочная, весельная река.
2. Товлынг, хансанг лув — крылатая, пестрая лошадь.
3. Асынг, керынг тагланэ — дырявые, черные одежды.
4. Таклынг, пунынг лув — с кудрями и с шерстью лошадь.
5. Катынг, лаглынг хум — человек с руками, с ногами.

6. Апанг, санынг няврам — ребенок с люлькой, с чуманом.
7. Тангквитим, хаслитим тотап — замшившийся, заилевевший ящик.
8. Наинг, сярынг ангквал — обгорелый, опаленный столб.
9. Аньтынг, лутынг сорт — щука с рогами и со всем прочим.

2. Описательный эпитет, представляющий собою композицию из нескольких слов

а) Простой описательный из двух слов; второй компонент образован при помощи суффиксов -п, -па:

1. Сэмыл витуп Тагыт — темноводная Сосьва.
2. Войкан витуп Ас — беловодная Обь.
3. Лилинг витуп тур — озеро с живой водой.
4. Сорнинг витуп хулюм — златоводная речка.
5. Нэрпынг пунгкпа уй — зверь с красной головой.
6. Пангхвынг самп туйт — широкие хлопья снега.
7. Савынг сахип коняранэ — бедняки его в шубах с нуждою.
8. Восинг нярап коняранэ — бедняки в изношенных нярках.
9. Сорнинг амнап сопакаге — сапоги его с золотыми передами.
10. Ат туляп лагыл — пятипалая нога.
11. Сорнинг луспа сермат — обрать с золотыми кистями.

б) Простой описательный из трех слов:

1. Войкан витуп тэпынг Сакв — беловодная питательная Сыгва (Ляпин).
2. Сэмыл витуп тэпынг Тагыт — темноводная питательная Сосьва.
3. Войкан витуп тэпынг сярысь — беловодное питательное море.
4. Войкан витуп хулынг сярысь — беловодное рыбное море.

5. Лилинг сорнинг овманг кол — дом, текущий живым золотом.
6. Хури сангки саглам паль — изогнутые уши чуткой черняди.
7. Ломтынг керпа ярмак тор — шелковый платок из кусков чёрного цвета.
8. Кислакв минам лаквынг ма — обручем вертящаяся круглая земля.
9. Кислакв минам лаквынг торум — обручем вертящееся круглое небо.

3. Сравнительно-описательный эпитет

1. Кат патта пангхвит парт — доска шириной с ладонь.
2. Керынг пакв сам янит кол — дом величиной с кедровый орех в скорлупе.
3. Хар нярм янит саграп — топор величиной с бычью лопатку.
4. Хар пасыг янит амп — собака величиной с оленьего бычка.
5. Торас палит хоса овт — пика длиной в четверть.
6. Маснут хурум туля пангхвит — одежда шириной в 3 пальца.
7. Акв нянь пангхвит сун — нарта шириной в один хлеб.
8. Хурум парт пангхвит норма — полка шириной в 3 доски.
9. Хурум туля пангхвит нял — стрела шириной в 3 пальца.
10. Хар лагыл люлинг сун — нарта высотой с ногу быка (оленя).
11. Сорах сам янит тул — облако величиной с сырковый глаз.
12. Мань ягагиянылнэглын хотал сагпа нэ, унтнэ хотал сагпа нэ — их младшая сестра — женщина с волосами восходящего солнца, женщина с волосами заходящего солнца.

13. Холам нангк тал сорни сагe — золотые косы ее—пожелтевшие ветки лиственицы.

5. ТАВТОЛОГИЯ

В маньсийских сказках встречаются тавтологические выражения двух видов.

Первый вид Мункачи называет этимологической фигурой. Он представляет собою употребление двух слов от одной и той же основы, причем одно из этих слов является определением с поссессивным суффиксом -нг и не стоит обычно рядом с словом одной с ним основы:

1. Овлынг ус овыл — конец города с концами.
2. Сисынг ус сис — пригородье города с пригородом.
3. Сисынг кол сис — задворки дома с задворками.
4. Овлынг павыл овыл — конец поселка с концами.
5. Овлынг ёвт овыл — конец лука с концами.
6. Самынг кол сам — угол дома с углами.
7. Сурмынг кол сурм — дымоход дома с дымоходом.
8. Авинг кол ави — дверь дома с дверями.
9. Сунтынг хурыг сунт — отверстие мешка с отверстием.
10. Тайтынг сахи тайтэ — рукав шубы с рукавами.
11. Кемплинг сахи кемпли — полы шубы с полами.
12. Ломтынг сахи ломт — лоскут шубы лоскутной.
13. Янитынг хум янит — величина большого человека.
14. Палитынг хум палит — рост взрослого человека и проч.

Во втором виде тавтологии оба слова от одной основы являются определениями, выраженными поссессивными именами— одно на суффикс -п, другое на суффикс -нг:

1. Ат туляп тулянг кат — с пятью пальцами пальцевая рука.
2. Ворт хуснап хуснанг ёвт — лук с накладкой, с накладкой кремневой.
3. Кер хуснап хуснанг ёвт — лук с накладкой, с накладкой железной.

Примечание. Подобного рода тавтологические выражения малохарактерны для стиля сказок. Зато они очень широко распространены в мифологических песнях.

6. МЕТАФОРЫ

Метафоры сравнительно с описанными выше художественными явлениями языка сказок встречаются гораздо реже. В материале сказок имеется всего лишь несколько метафор.

1. Ас арпи кит ун ворил покталияге,
   Ас арпи кит ун ворил тусьталияге.
   Едва ворочает две жерди обского запора,
   Едва переставляет две жерди обского запора.
   (Жерди обского запора—ноги богатыря, надевшего военные доспехи.)
2. Нёхс питит хуи, уй питит хуи.
   Спит в соболином гнезде, спит в зверином гнезде.
   (Соболиное гнездо, звериное гнездо—богатая постель из дорогих мехов.)
3. Мань пум нортсум, яныг пум нортсум.
   Стлал маленькую траву, стлал большую траву.

Последний пример взят из рассказа о подвигах Эква-пырися. Метафорический смысл его становится понятным, если сопоставить его с другим параллельным описанием того же подвига героя в следующих словах:

Эква-пырись сирае лэватас, сагрунгкве патыс: мань пум хольт пати элмхолас, яныг пум хольт пати элмхолас.

Эква-пырись выхватил саблю, рубить стал: как маленькая трава люди падают, как большая трава люди падают.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После того как мы рассмотрели специфические явления, свойственные языку маньсийских сказок, нам осталось наметить возможные пути использования этого культурного наследства в целях развития современного литературного языка маньси.

Развертывающаяся в настоящее время работа по созданию художественной литературы на языках народов Севера со всей остротой выдвигает вопрос о необходимости изучения фольклорного языка, который содержит много положительных и ценных данных, могущих быть полезными для современного литературного творчества. Но правильное использование фольклорного языка требует критического подхода к нему, так как наряду с несомненно положительными фактами в нем имеется много отживших и отрицательных явлений; такова архаическая неосмысляемая лексика сказок с ее религиозным содержанием, таковы морфологические архаизмы, ставшие чуждым явлением для современного маньсийского языка.

Если бы встретилась надобность какие-нибудь из этих данных использовать в современном литературном языке, то это возможно было бы только в том случае, если бы удалось при помощи контекста речи изменить самое значение требуемого слова.

Например, слово „отыр“ без предшествующих ему собственных имен героев-богов можно употребить в отвлеченном значении „богатырь“.

Так именно и поступили мы, когда в сказке А. С. Пушкина, Хул алисьлан хум ос хулкве мойт (Гослитиздат, 1938 г.) употребили выражение:

Поярыт, намынг отырыт тав тармыле меттыг ропитэгыт.

Бояры, именитые богатыри (князья) служат ей.

Слово „овта“ в фольклоре употребляется в значении „военная пика“, но в книге Успенского, Нила хонтлын нак (Детгиз ЦК ВЛКСМ, 1938 г.) слово „овта“ мы употребили и в значении „штык у винтовки“:

Войкан торыл перим катыл писаль овтаныл тув-ратыглpасаныл.

Забинтованными руками забивали к ружьям штыки.

Слово „лахыр“ — кольчуга, панцырь — нами взято в значении „броня“.

В этой связи интересно, что в монгольском языке словом панцырь обозначается броня военных машин: броневик — панцырная телега. Слово „лахыр“ в значении „брони“ употреблено в переводе песни о Сталине:

Ман яныг Совет ма еранув
Емтан лахрыл тав мастысанэ,
Кер туманыл тумантасанэ.
Наши границы великой страны Советов
Одел он в стальную бронь,
Запер их на железный замок.

Перевод И. В. Яркина

Слова „энгка-хусь“ употребляются в том же значении „слуги“ в сказке Хул алисьлан хум ос хулкве мойт:

Тав эли-палэт симангись ропитанэ
Энгкаянэ—хосянэ люлегыт.
Перед нею стоят
Прилежно работающие слуги.

Итак, некоторые слова сказок, когда-то отражавшие реальные явления старой культуры, но в более поздний исторический период потерявшие актуальность и употребление в живом языке, иногда могут с известным семантическим видоизменением войти в словарный состав современного маньсийского литературного языка.

Что же касается других слов, входящих в группу необычных для обыденной речи словарных сочетаний, например: нёхс пити, уй пити — соболиное гнездо, звериное гнездо; сат накпа олн пут — семисуставный серебряный котел; сорни вас — золотая утка; кер арпи — железный запор (сооружение на реке) и др., подобные им, то они представляют интерес исключительно только для историка и этнографа.

Для современного литературного творчества гораздо большее значение имеют художественные приемы творчества.

Удачное использование параллелизмов, эпитетов, сравнений — делает вновь создаваемые литературные произведения, особенно переводные, близкими и родными для понимания манси, соответствующими привычному их образу мышления.

Употребление в стихотворных переводах на мансийском языке повторов и параллелизмов придает им черты сходства со стилем маньсийской народной поэзии и производит большое впечатление на читателей-маньси:

Ман хонт воритотнэ лёнгхувт
Тав посынг, систам самагеныл
Ман ваг-ёрув тот амыртаслув,
Мӣл соимныл войкан вит хольт.
На нашем боевом пути
Из его ясных, чистых глаз
Нашу мощь и силу мы там черпали,
Как белую воду из глубокого ручья.

Исаковский, Песнь о Сталине. Перевод на маньсийский язык И. Яркина.

Ловинтан нэпак ат ловинтилум,
Хаснэ магыс нэпак ат хансилум.
Бумагу прочитать — не прочитаю,
Бумагу написать — не напишу.

Маршак, Школьные товарищи (на маньсийском языке; перевод Е. Монина).

Ти няврам эрыгкве
Ос овылтаве,
Ти няврам потыркве
Эпаль тотаве.
Эта детская песенка
Снова начинается,
Эта детская сказочка
Дальше разносится.

Маршак, Школьные товарищи (на маньсийском языке).

В стихотворении Товлынг хап (Аэроплан), описывающем приближение самолета, похожего на птицу, удачно используется параллелизм:

Нумын матыр та суйти
Матыр та мирги.
Аман товлынг уй та рампги

Тыг ти юв,
Аман юсвой тот наталтали
Тыг ти юв.
Наверху что-то шумит,
Что-то гремит.
То ли птица там движется,
Сюда приближается,
То ли орел там парит,
Сюда приближается.

В. Н. Чернецов, Ловинтан магыс книга.

В другом стихотворении Алпыл (Утро) первая строфа содержит поэтический образ восходящего солнца. Этот поэтический образ широко распространен в художественных оборотах фольклорного языка.

Сэри пос ти постыглас,
Нумын совыт харыглэгыт
Нэгланэ хотал сорни саге
Люлитэн та лапыс.
Рассвела заря,
Наверху гаснут звезды,
Золотые косы (лучи) восходящего
Солнца поднялись вверх.

В. Н. Чернецов, Ловинтан магыс книга.

Традиционные маньсийские эпитеты с успехом могут быть применены к новым персонажам и новым действиям. Так, например, намынг — знатный и суинг — славный (богатырь, герой, богатырский город и т. д.) свободно могут быть использованы в качестве эпитетов к новым героям современности. О лучшем ударнике-маньсийце современный поэт скажет: тав намынг хум, суинг хум, то-есть он знатный человек, славный человек.

В первой строке песни о Сталине (Сталин магыс Эрыг) мы видим, что с успехом употреблены присущие фольклорному языку украшающие эпитеты:

Тэпынг хара мат суил суйтыглэгыт,
Сав витынг ят овынг витыл хайтэгыт,
Ман олнэ коланув нуми-палт
Туя алпыл сэри посыт суртгегыт.

Шумом шумят плодородные степи,
Текущей водою бегут многоводные реки,
Над нашими счастливыми жилищами
Блестят весенние утренние зори.

Все эти факты свидетельствуют о том, что изобразительные средства фольклорного стиля имеют очень большое значение и для современных авторов художественной литературы. Дальнейшая работа по развитию литературного языка потребует еще более широкого использования художественных приемов маньсийского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Абрамов. Описание Березовского Края. „Зап. Русск. Геогр. об-ва“, XII, 1857.
2. В. Бартенев. На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896.
3. С. Б. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. Москва, 1928.
4. С. Б. Бахрушин. Остяко-вогульские княжества в XVI—XVII вв.
5. Леви Брюль. Первобытное мышление. Изд. „Атеист“.
6. Екатеринбургские епархиальные ведомости за 1903 г., № 12 (архив).
7. Иринарх Обдорский. Хронологический обзор достопримечательных событий в Березовском крае, Тобольской губ. Журнал „Православный Благовестник“, 1911—1913.
8. М. Ковальский. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой, т. I, СПб., 1853.
9. В. И. Ленин. Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященная годовщине III Интернационала.
10. К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., IV, 1933.
11. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. III. Язык и общество, 1934.
12. Материалы Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. Ленинград, 1933.
13. Акад. И. И. Мещанинов. Проблема классификации языков. Ленинград, 1934.
14. Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб., 1787.
15. В. Павловский. Вогулы. Казань, 1907.
16. С. Патканов. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
17. И. В. Сталин. Заключительное слово по докладу на XVI съезде ВКП(б).
18. С. Трубецкой. К вопросу о Золотой бабе. „Этнограф. обозрение“, № 1—2, 1902.
19. Aug. Ahlqvist. Über die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen, JSFOu, 1890.
20. Aug. Ahlqvist, Unter Wogulen und Ostjaken. Akta Soc. Fenn., XIV.
21. Aug. Ahlqvist. Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken. Helsingfors, 1880.
22. Ö. Beke. Északi-osztják szójegyzék. Keleti Szemle VIII—IX, 1907—1908.
23. Gombocz Zoltán. Adalékok az Obi-ugor nyelvek szókészletének eredetéhez. NyK, XXXII, 1902.
24. Gombocz Zoltán. A vogul nyelv idegen elemei. NyK, XXVIII, II, 1898.
25. K. Donner. Über das alter der ostjakischen und wogulischen Renntierzucht. FUF, XVIII.

26. A. Kannisto. Angaben über die Zahl der Wogulen. FUF, VI.
27. A. Kannisto. Zur Etymologie des Völkernamens „ostjak". Mém. SFOu 1928.
28. A. Kannisto. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen. Mém. SFOu, XLVI.
29. A. Kannisto. Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen. FUF, XVII, 1925.
30. A. Kannisto. Beiträge zur wogulischen Folklore und Dialektenkunde. FUF, VIII.
31. T. Lehtisalo. Beiträge zur Kenntnis des Renntierzucht bei den jurak-samojeden. Oslo, 1932.
32. Löcsei Antal. Északi vogul mondattani kérdések. NyK, XLVII, 1929; NyK, XLVII, 1930.
33. J. Manninen. Die Finnisch-Ugrischen Völker. Leipzig, 1932.
34. B. Munkacsi. Éjszaki vogul nyelvjárás. NyK, XXI, 1890.
35. B. Munkacsi. Vogul Népköltési Gyüjtemény. Budapest, I—IV.
36. J. Papaj. Osztják Népköltési Gyüjtemény, V.
37. H. Paasonen. Ostjakisches Wörterbuch (nach den Dialekten an der Konda und am Jugan). Helsingfors, 1926.
38. S. Patkanov. Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St.-Pet., I—II.
39. S. Patkanov. Irtisi-osztják szójégyzék. Budapest, 1902.
40. E. N. Setälä. Zur Frage nach der Verwandschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen. JSFOu, XXX.
41. E. N. Setälä. Studien aus dem Gebiet der Lehnbeziehungen. Helsingfors, 1912.
42. J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910 u. 1922.
43. J. Szinnyei. Magyar Nyelvhasonlitás. Budapest, 1927.
44. U. T. Sirelius. Über der Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.
45. W. Steinitz. Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung. Helsinki, 1934.
46. V. Sernecov. Lovintan maŋьs kniga. Mot lomt Ucpedgiz, 1934.
47. József Schütz. Az északi-osztják szóképzés. NyK, XL.

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный редактор *А. И. Емельянов.* Техн. редактор *А. Соловейчик.*

Сдано в набор 2 октября 1938 г. Подписано к печати 20 марта 1939 г. Бум. 60 × 92. 5 печ. л. $2^1/_2$ бум. л. 5 авт. л. 80 000 тип. зн. в бум. л. Леноблгорлит № 1592. Заказ № 2932. Изд. № 39. Инд. П5 Тираж 500 экз.

Типография „Коминтерн". Ленинград, Красная ул., 1.

РНФ
Государственная библиотека Югры